

Наталья Масальская

В ПАУТИНЕ ЛЖИ

Наталья Масальская

В паутине лжи

«Автор»

2023

Масальская Н.

В паутине лжи / Н. Масальская — «Автор», 2023

Борис Бисаев — майор столичной полиции, слишком непредсказуемый для работы в команде. Но последние два года он ищет свою пропавшую дочь Аню, это удерживает его от того, чтобы послать все к черту и уйти в частный сыск. Время идет, а ниточек, которые привели бы его к Ане, все меньше. Борис почти смиряется с мыслью, что он больше никогда ее не увидит. Однако свалившаяся на него проблема в виде напарника Андрея Юдина, навязанного своенравному сыщику начальством, дает новый толчок расследованию. Юдин показывает себя смышленным малым. Его взгляд на старые улики дает неожиданные результаты, и казавшиеся поначалу несвязанные между собой дела о пропаже девочек-подростков наводят следователей на мысль о «серии». Напарники должны отбросить свои личные проблемы и конфликты, чтобы поймать жестокого преступника. В конце концов они понимают, что жертвы выбираются не случайно и их след тянется к фигурантам по еще одному громкому делу, которое Бисаев вел десять лет назад.

© Масальская Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Масальская

В паутине лжи

Часть первая

В осколках темноты

Глава 1

Старый фонарь в антивандальной металлической решетке, скрипя и постанывая, раскачивался на длинном проводе, очерчивая на земле мутный круг. Он вытянул ее тонкую дрожащую тень, и через мгновение она снова растворилась в царившем вокруг полумраке.

Тяжело дыша, девушка медленно стекла по выщербленной стене на землю и зажала ладонью рот, пытаясь приглушить порывистое дыхание. Закрыла глаза и прислушалась. Вокруг была лишь пугающая тишина, но ее преследователь рядом, она чувствовала это. Сам воздух был пропитан его незримым присутствием, впитываясь в поры совершенно бесконтрольным ужасом. Не осталось ничего, кроме парализующего ее страха.

– Выходи, дорогая, – раздался совсем рядом его издевательски спокойный голос. – Тебе некуда бежать.

Она зажала уши руками и зажмурилась. Невольно вспомнила, как играла в прятки с братом. Как сидела в шкафу, за мамиными платьями, скованная волнительным страхом поимки. Но сейчас это был совсем другой страх – едкий, как кислота, которая медленно разъедает кожу, оголяя нервы.

– Ну где же ты? Хочешь поиграть? – эхо многократно умножало его слова, которые, ricochet от серых полуразрушенных стен завода, сливались в адскую какофонию звуков и еще долго сотрясали воздух.

Как и в детстве, ей казалось, что есть только она и ее преследователь. Словно весь мир сжался до размеров шкафа в маминой спальне, в зыбкую преграду из шелка и ситца, что отделяет ее от неминуемой судьбы. Она знала, шанс еще есть. Если она возьмет себя в руки и победит... Царапая спину о кирпичи, она медленно поднялась на ноги.

– Вот ты где.

Горячее влажное дыхание коснулось виска, а крупная ладонь с силой прижала вонючую тряпку к лицу. Воздух в ее легких растворился неозвученным криком в пропахшей медикаментами ткани. Тело мгновенно стало бесформенным и тяжелым. Из всех чувств осталось только ощущение туго пульсирующей в голове крови. Темнота.

Борис, опершись руками о раковину, уже несколько минут разглядывал свою измятую физиономию в большом овальном зеркале. К нестройно колотящемуся в горле сердцу подкатила печень, вызывая приступ тошноты. Борис открыл кран, набрал пригоршню воды и, ополоснув рот, снова посмотрел в зеркало. Из-под опухших красных век на него смотрели тусклые глазки. Он поморщился, поскреб ногтями бороду и, не обращая внимания на слабость, залез в душ.

– Ну ты скоро? – за дверью послышался недовольный голос Лариски. – Я из-за тебя на работу опоздаю.

– Выхожу, – проворчал Борис.

Намотав на бедра полотенце, он открыл дверь, в которую тут же скользнула Лариска. Она остановилась в дверном проеме, преграждая ему путь, и положила ладони на его обнаженную, всё еще в каплях воды грудь.

– Мог бы меня подождать.

– По-моему, ты на работу опаздываешь, – он взял ее за плечи и, отодвинув в сторону, уверенно прошел мимо нее на кухню.

Борис достал из холодильника полторашку кока-колы и, тяжело опустившись на стул, не отрываясь, выпил почти половину. Измученный сушняком организм требовал влаги, и Борис, смачно икнув, снова присосался к горлышку пластикового баллона. В носу неприятно защекотало.

тало. Сознание медленно возвращалось, рисуя в памяти нелицеприятные картины вчерашнего загула.

В ванной выключилась вода, и через пару минут перед ним нарисовалась довольная Лариска. Шелковый халатик, небрежно накинутый на голое, разомлевшее под душем тело, едва прикрывал ее прелести, и Борис, не удержавшись, звонко шлепнул ее по заднице. Лариска подбоченилась и наградила его предупредительно-кокетливым взглядом.

– С такой фигуркой можно и в профессионалки.

Ее лицо тут же потемнело, губы поджалась и побелели, а крылья тонкого носа затрепетали от возмущения.

– Ну и урод же ты, Борюсик, – она гордо вскинула голову и, вильнув на прощанье бедрами, стремительно вышла из кухни.

Борису казалось, что он достаточно прямо обозначил границы их общения и категорически не понимал, почему каждый раз с утра ему нужно изобретать всё новые способы остаться наконец одному.

В прихожей громко хлопнула дверь. Борис тяжело поднялся со стула. Тело, измученное ночными излишествами, откликнулось на движение влажной слабостью. Он, не спеша, достал из шкафа турку, взял со стола металлическую банку с полустершимся от времени сломом. Пусто. Борис вспомнил, что еще вчера хотел пополнить запасы кофе, но, как обычно, забыл. На такой случай у него был план Б. Поставив банку обратно на стол, он пошел одеваться.

В маке рядом с его домом продавали довольно сносный кофе. Борису казалось странным общаться с говорящей стойкой, поэтому он каждый раз заходил внутрь.

– Большой американо, – сказал он улыбающейся ему кассирше, и пока она стучала по экрану ручкой, набивая заказ, полез во внутренний карман куртки за портмоне.

Раскрыв кошелек, Борис понял, что на этот раз Лариска выгребла у него всё, включая карты. Он мельком взглянул на девушку, которая, заметив его замешательство, еще больше растянула губы в улыбке, терпеливо ожидая оплаты. Борис, стараясь не поддаваться невольной панике, залез в маленький неприметный кармашек, скрытый под молнией, куда обычно сыпал мешающуюся ему в карманах мелочь, и, перевернув кошелек, высыпал всё на ладонь. Очередь за его спиной недовольно задыхалась. Борис начал не спеша отсчитывать монеты по одной, складывая их на стойке аккуратным каре. Первыми шли несколько затертых желтых десятков, за ними блестящие пятаки, двухрублевки, и замыкала шестивие парочка рублей. В его ладони осталась еще пригоршня мелких монет. Их он тоже высыпал на стойку, нарушая четкий строй.

– За причиненные неудобства, – пояснил он, забирая горячий бумажный стаканчик.

На улице он почувствовал себя почти хорошо. Прохладный ветер обдувал воспаленные лоб и щеки, горячий кофе неизменно бодрил. Он сел за руль, поставил кофе в подстаканник и с размеренной неторопливостью, выработанной в нем преимуществами ненормированного рабочего дня, выехал с парковки.

В отдел Борис приехал ближе к полудню, надеясь, что уже через час под предлогом обеденного перерыва сможет окончательно поправить здоровье в баре напротив.

В отделении была привычная суета. Коллеги сновали взад-вперед, бросая на идущего вразвалочку Бориса беглые укоризненные взгляды. Не поддаваясь всеобщему ажиотажу, он спокойно дошел до своего кабинета, снял куртку и, набросив ее на спинку стула, с облегчением сел. Тело еще гудело, приступы холодного потоотделения чередовались со вспышками неунимающейся головной боли. Он допил остывший кофе, надеясь переключить организм на рабочий режим.

– Тебя шеф с утра обыскался.

В дверном проеме показалась Мария Поликарповна. Облаченная в неизменную шерстяную водолазку и строгую черную юбку, секретарша шефа казалась Борису старой революционеркой-подпольщицей. Иначе как объяснить, что в свои семьдесят она продолжала трудиться

на благо Родины. Не только из-за ее возраста, но и в знак какого-то внутреннего трепета перед этой сухой строгой женщиной он называл ее только по имени-отчеству.

– Мария Поликарповна, не сделаете мне чашечку кофе?

«Старая революционерка» язвительно поджала тонкие густо накрашенные губы, оглядывая его помятое очередной попойкой лицо. Она демонстративно забрала со стола пустой бумажный стаканчик и молча удалилась.

Мария Поликарповна, по непонятным для Бориса причинам, взяла над ним своеобразное шефство и со строгим, но заботливым вниманием матери приглядывала за ним, позволяя иногда не выходящие за рамки дозволенного крошечные послабления.

Борис еще немного посидел и, наконец, поднявшись из-за стола, направился к шефу.

Марии Поликарповны в приемной не было, зато на столе его ждала чашка только что сваренного кофе. Он осторожно взял ее за самые края, чтобы не обжечься и не останавливаясь вошел в кабинет.

Полковник Кривцов, заложив руки за спину, смотрел в приоткрытое окно, из которого не смолкая доносился монотонный гул улицы. Он обернулся на вошедшего Бориса и, брезгливо скривившись, несколько мгновений разглядывал его. Поджатые губы, заложенные за спину руки говорили Борису, что произошло что-то из ряда вон. Но самоуважение и неопределимые заслуги перед родным отделом научили его держаться уверенно и прямо. Поэтому он со стоическим спокойствием выдержал на себе тяжелый долгий взгляд шефа и, усевшись в кресло напротив его стола, осторожно отпил из чашки.

– Слушай, Борис, – сдержанно начал Константин Львович, явно преодолевая желание наорать на вальяжно раскинувшегося в кресле подчиненного, – ты хоть представляешь, как сложно мне отмазывать тебя у начальства? Что ты опять вчера устроил? Все как с цепи сорвались. Мылили мне шею с самого утра, – он несколько раз для наглядности ударил себя по затылку ребром ладони и, едва сдерживаясь, отвернулся к окну, снова заложив руки за спину.

Борис отставил чашку на широкий деревянный подлокотник, тем не менее слушал шефа молча, не оттягивая эти предсмертные судороги строгого выговора своими ничемными объяснениями.

Словно что-то для себя решив, полковник снова развернулся к Борису и уверенно подытожил:

– Короче, так, либо ты работаешь с напарником, либо пиши заявление. Меня достали неконтролируемые сотрудники в моем отделе.

Борис глубоко вздохнул, хлопнув себя по коленям, медленно поднялся из кресла и направился в сторону двери.

– Черт тебя подери, Бисаев, – выпалил ему в спину шеф, – сядь! Сядь, я сказал, – уже спокойно, но твердо повторил Константин Львович и тоже сел за стол. – Меня уже достали твои выкрутасы. Ты хороший сыскарь. Я и так иду тебе на уступки. Надеюсь, ты это понимаешь. Но сегодня меня поставили перед фактом: либо ты берешь себя в руки, либо...

Он замолчал, многозначительно глядя на вернувшегося на свое место Бориса. Встал из-за стола и, обогнув его, присел на угол, наклонившись к майору. – Думаешь, я ничего не понимаю? Заканчивай уже эту отсебятину. У тебя свои методы, но ты не волк-одиночка, ты работаешь в команде. Я просто хочу, чтобы ты об этом помнил.

– Я смотрю, тебя хорошо обработали, – на полном серьезе ответил Борис, глядя на помятеего шефа.

– Да целый час меня... – шеф изобразил отталкивающегося двумя палками лыжника, а затем махнул рукой и снова вернулся за стол. – Ну не усложняй жизнь ни себе, ни мне. Ты ж понимаешь, они не дадут тебе работать.

Выждав паузу, Кривцов добавил:

– Он хороший парень, только из академии. С красным дипломом, между прочим. Если хочешь, рассматривай его как личного секретаря. Ну а что? С компьютером ты не дружишь, с бумагами у тебя бардак, – заискивающе понижая голос, предложил Константин Львович.

– Личный секретарь, говоришь? – вздохнул, вставая Борис. – Ладно, где он?

– Ну вот и славно, – полковник тоже поднялся и направился вместе с Борисом к двери. – Да, снова девочка пропала. Я знаю, ты заинтересуешься. Дело я пока никому не отдал. Съезди к ней, поговори с родителями. Не мне тебя учить.

– Так что по девочке? – выходя в дверь, поинтересовался Борис, оборачиваясь через плечо к Кривцову.

– А вот он тебе и расскажет. Всё у него, – кивнул шеф в сторону подскочившего со стула высокого худощавого юноши.

Тот сделал несколько быстрых пружинистых шагов им навстречу и протянул Борису руку.

– Андрей. Юдин, – добавил он после короткой паузы. – Очень рад знакомству. Очень много о вас слышал. Для меня честь...

Борис, поморщившись, жестом остановил стажера.

– Я понял, – мрачно протянул он, медленно направляясь в сторону своего кабинета под одобрительным взглядом полковника Кривцова.

До кабинета шли молча. Андрей много раз слышал о прозорливости и профессионализме майора Бисаева, впрочем, как и о его пьянстве и скверном характере. Он хотел показать себя с лучшей стороны, и сейчас его распирали энергия и жажда действия. Юдин семенил рядом с Борисом, заглядывая ему в лицо, надеясь на беседу, но угрюмый вид патрона удерживал его от необдуманного шага.

– И где мое место? – Андрей медленно прошел до середины кабинета и остановился.

В настежь открытое окно врвался назойливый шум улицы, разбавляя прокуренный воздух удушливым запахом выхлопных газов. Кабинет казался лишенным всякого уюта. От всех вещей за версту несло казенщиной. Большой шкаф для одежды на входе, пара разномастных шкафов для бумаг, металлический шкаф для документов в углу и стол, над которым висел черно-белый портрет Дзержинского, – всё было словно с чужого плеча, словно натаскано из разных кабинетов, владельцам которых эти вещи оказались не нужны.

– Да хоть вот здесь, – Борис прикурил и указал рукой с дымящейся в ней сигаретой на подоконник, рядом с которым стоял плохонький стул со стопкой бумаг. – Заодно и дела в порядок приведешь, – пояснил он, проследив за взглядом напарника.

– Но это унижительно, вы не находите? – совершенно растерявшись, ответил Андрей.

– Согласен, – Борис затаился и, выпустив в открытое окно струю дыма, воткнул окурочек поверх других, плотно набитых в большую стеклянную пепельницу. – Ты же на испытательном сроке? И потом, ты же сыщик, зачем тебе стол? Жопу просиживать? Ладно, ты пока устраивайся, я сейчас, – и вышел.

Без хозяина, наполненный недружественным шумом улицы и горьким табачным дымом, кабинет стал казаться совсем чужим и холодным. Андрей невольно почувствовал себя сиротой. Та удача, которую он не раз за сегодняшний день поблагодарил, стремительно оборачивалась для него усмешкой судьбы. Ведь чтобы попасть именно к Бисаеву, ему пришлось надавить на отца, чего он категорически себе не позволял. Путь назад отрезан, значит, нужно идти вперед. Парень опустил на пол свою сумку и не без опаски осмотрел гору документов, занимающих единственный свободный стул. Он аккуратно примостил их к стене рядом с батареей. Освободив себе место, Андрей наконец сел и, сиротливо ежась, еще раз окинул взглядом кабинет.

– Ну что там по девочке? – спросил вернувшийся Борис.

Он уселся за стол и поднял глаза на стажера.

Андрей наклонился к своей сумке, вытащил из нее тоненькую пластиковую папку.

– Пострадавшая Николаева Светлана, пятнадцать лет.

– Юдин. А не тот ли это Юдин, что нашего Кривцова друг закадычный? – беспардонно перебил его Бисаев.

Андрей опустил руку с листком на колени и поднял на майора упрямый взгляд.

– Вы правы, генерал Юдин – мой отец, – коротко ответил он, пытаясь поскорее вернуться к делу, но Борис снова прервал его:

– Понятно.

– Что вам понятно? – сам того не ожидая, вспылил Андрей и тут же уткнулся в заявление, чувствуя, как жаркая волна заливает его щеки и ключицы. Тонкий листок в его руке дрожал от напряжения, чем явно наслаждался внимательно изучающий его Бисаев. – Простите, – вымученно произнес он, когда в голове перестало шуметь.

– Ладно, сыщик, поехали, – усмехнулся Борис и, прихватив сигареты и куртку, направился к двери. Туда же, вскочив со стула, устремился Андрей.

Глава 2

Вход в длинный обшарпанный коридор преграждал валяющийся прямо на пороге синий велосипед.

– Сейчас, – немолодая хозяйка в выцветшем стеганом халате засуетилась, убирая его с дороги.

Наконец, прислонив велосипед к стене, она близоруко посмотрела в раскрытое удостоверение Бориса и, нервно кутаясь в ворот халата, отступила назад.

– Проходите.

Вслед за хозяйкой мужчины зашли в кухню и, стряхнув с предложенных им стульев крошки, сели, наблюдая, как женщина суетится, стараясь создать хоть какую-то видимость порядка.

– Пожалуйста, сядьте, – не выдержал Борис, и хозяйка как по команде опустилась на колченогий табурет, положив сковородку с остатками жареной картошки себе на колени. Она вцепилась взглядом в Бориса, ожидая вопросов.

– Когда вы видели дочь в последний раз?

При словах «последний раз» хозяйка снова принялась теревить ворот халата и, сморщив лицо в страдальческой гримасе, тоненько запричитала:

– Так неделю уж.

– Неделю? Ваша дочь неделю не была дома, а вы заявили о ее пропаже только сейчас?

Слова Бориса заставили мамашу еще сильнее сморщиться.

– Так ведь это... Она и раньше уходила. Я думала...

– Когда видели ее в последний раз?

– Так это... – ее руки снова забегали по вороту халата, а на лице поселилась блуждающая нервная улыбка.

– Витька, – вдруг неожиданно громко крикнула она в темноту коридора и снова виновато заулыбалась полицейским. Через минуту на пороге появился худенький мальчик лет десяти в застиранной майке и вытянутых на коленках трико.

– Чего? – ноющим голосом протянул мальчишка, разглядывая мужчин и нервно косясь на мать.

– Сестра твоя когда в последний раз ночевала? – спросила она.

– Так двадцатого, – страдальчески проблеял он и неуклюже выставил вперед правое плечо, будто защищаясь.

– Ладно, иди. Уроки делай, – добавила мать строго.

– Сделал уже, – протянул Витька, смущаясь.

– Иди, сказала, – отмахнулась она.

– Ладно, понятно, – отрезал Борис, поднимаясь. Андрей подскочил следом. – Комната ее где? Без сына найдешь или позвать?

Женщина вдруг выпрямилась, и на ее еще недавно податливо-услужливым лице появилась гримаса брезгливости.

– А ты меня не учи. Я их, между прочим, одна воспитываю, – ее громкий визгливый голос вонзался в воспаленный мозг Бориса ультразвуком. – У самого-то, наверное, детей нет, – снова скатываясь на плаксивость, закончила она, не выдержав строгого немигающего взгляда следователя.

Через минуту они стояли посреди пыльной, плотно обставленной комнаты. С кровати, словно застигнутый врасплох кот, соскользнул уже знакомый им Витька и мгновенно юркнул

в щель между матерью и дверным косяком. Борис молча закрыл дверь, оставляя обескураженную мамашу снаружи.

– Итак, что скажешь? – посмотрел он на стоящего посреди комнаты Андрея. – Удиви меня, Чудо-Юдин.

Андрей принялся осматривать комнату, предпочтя не заметить издевки в голосе патрона.

– Дети буквально обитали здесь, – рассуждал он. – Это даже не бардак, это воронье гнездо. Похоже, они тащили сюда всё что ни попадя.

Андрей поднял с кровати девочки голую Барби с нарисованным под глазом фингалом – похоже, брат постарался. Положив куклу на место, продолжил медленно двигаться по комнате.

– И пылища.

Провел пальцем по полке над единственным здесь письменным столом. В воздух взвились тысячи пылинок, тут же пойманные солнечным лучом, освещавшим заваленный мусором стол. Он пробежался рукой по незатейливому детскому хламу, перебирая фантики от конфет, развернул скомканный тетрадный лист, в котором под размашистыми штрихами красной ручки угадывался ожесточенный морской бой – признак скуки на уроках.

– Да поэтому нельзя сделать выводы, – Андрей бросил на стол мятый листок и повернулся к молчащему Борису.

Тот, облокотившись о косяк, внимательно наблюдал за потугами стажера. Во всей его позе, в бесстрастном выражении лица Андрей угадывал насмешку.

– Не нужна никому, – подытожил Борис. – В лучшем случае сбежала, в худшем – валяется в какой-нибудь сточной канаве обдолбанная.

Он приоткрыл дверь, за которой так и стояла мамаша. При виде Бориса она засуетилась и ринулась внутрь, но он преградил ей путь.

– Сына позови, – коротко сказал он.

– Витька, – гаркнула женщина. Тут же, словно из ниоткуда, выросла шуплая фигура в грязной майке. Мамаша подтолкнула чадо к Борису и замерла, глядя ему в глаза.

– Заходи, – Борис отошел, пропуская мальчика в комнату. Взглядом остановил мать, которая снова попыталась войти, и закрыл дверь.

– Ну, Витька, сестре помочь хочешь? – он присел на корточки, держа парнишку за плечо. Тот же, видя, что опасности нет, приосанился и на полном серьезе сказал:

– Говори, чё надо.

– Ты же наверняка знаешь, где сестра свои «богатства» хранила?

Вопрос Бориса пробудил в Витьке сомнения.

– Тебе зачем? – с вызовом спросил он, щуя глаза.

– Нет, ну не знаешь, я мать спрошу, – Борис поднялся на ноги, возвышаясь над мальчишкой чуть ли не на метр.

Пацан фыркнул и направился к шкафу. Открыв дверь, как обезьяна, ловко перебирая руками и ногами, быстро полез по полкам вверх. Остановившись на последней, он, высунув от усердия язык, принялся шарить по шкафу рукой. Уже через минуту он спускался вниз, ловко помогая себе одной рукой. Другая была занята жестяной коробкой, судя по рисунку, от новогоднего подарка.

– Вот, – он протянул коробку Бисаеву и поправил съехавшее трико. – Она думала, я не знаю, – Витька ухмыльнулся, но тут же посерьезнел. – Вы точно ее найдете? – заглядывая мужчине в глаза, спросил он.

– Обещаю, сделаю всё, что от меня зависит, – ответил Борис и, присаживаясь на край Светиной кровати, открыл коробку.

Он перебирал указательным пальцем нехитрые детские сокровища: блестящая заколка с парой выпавших камней, бусы, дешевые сережки, пара потемневших от времени полароидов.

– Это кто, знаешь? – спросил он у Витьки, показывая фото.

– Так хахаль это ее – Валерка Хрыч из десятого «В», – презрительно усмехнулся Витька.
– Прямо-таки хахаль? – с недоверием переспросил Борис.
– Так все знают, что она обжималась с ним, – осклабился мальчишка, с детским презрением рассказывая подробности личной жизни сестры.
– А как нам найти этого Валерку Хрыча?
– Так он в соседнем доме в третьем подъезде живет, – Витёк кивнул в сторону окна, указывая на соседнюю девятиэтажку. – Только квартиру я не знаю.
– А фамилия у Валерки есть?
– Так Седов, – ответил Витёк и снова стал похожим на маленького растерянного мальчика.

Бисаев кивнул стажеру. Тот достал из кармана плаща блокнот и стал записывать.
– Вить, а не находил ты в последнее время, вот с пропажи сестры, чего-нибудь необычного? Может, игрушка новая или еще чего? – Борис внимательно смотрел мальчишке в глаза, и судя по тому, как тот напрягся, он явно пытался решить какую-то дилемму. – Вить, – Борис взял мальчика за руку, и тот поднял на него тяжелый недоверчивый взгляд.
– Ладно, – выдохнул он и с неохотой полез под матрас.

Через минуту он развернулся к Борису с небольшой деревянной коробкой в руках, похоже, с его сокровищами. Несколько секунд помедлил, а потом сел рядом с Борисом на кровать сестры и, открыв коробку, выудил оттуда игральную кость. Она была гладко отполирована и блестела в раскрытой ладони мальчика.

Андрей заметил, как Борис мгновенно напрягся. Он протянул руку, но медлил, словно боялся дотронуться до кубика, а потом аккуратно взял его двумя пальцами и медленно повернул из стороны в сторону. Лицо его помрачнело, он зажал кость в кулак и серьезно посмотрел на Витьку.

– Можно я возьму ее на время? Я верну, обещаю, – добавил он, видя болезненный испуг на лице мальчишки.

– Ладно, – обреченно махнул рукой Витёк, закрыл коробку и быстро спрятал ее на место.

Обратно в управление ехали молча. В голове Юдина теснились с десятков вопросов относительно того, что же все-таки произошло в квартире пропавшей Светы. Но Бисаев молчал, напряженно глядя на дорогу. Андрей кусал губы, решая, как бы лучше начать разговор. Наконец он не выдержал:

– И что это за игральная кость? – он развернулся в полкорпуса к Борису, чтобы тот не сделал вид, что не расслышал.

Борис неопределенно дернул плечом, продолжая смотреть вперед. Ни один мускул на его лице не дрогнул, и Андрей поднажал:

– Кубик дорогой. Судя по всему, из слоновой кости, – попытался рассуждать он, но и после паузы Бисаев не ответил. – Я могу помочь, – как последний аргумент выложил Юдин, снова развернувшись к Борису. – Свежий взгляд... Вы же узнали этот кубик, – не унимался Андрей. – Что это?

Завизжали тормоза. Андрей едва успел упереться рукой в торпеду, чтобы не разбить себе нос.

– Черт, – потирая ушибленное запястье и непонимающе глядя на наставника, ворчал он.

– Приехали, – отрезал Борис, дожидаясь, когда стажер выйдет из машины.

Андрей с недоумением посмотрел на него.

– Приехали. Чего непонятного? Рабочий день кончился. Я, Юдин, как все нормальные люди, тоже имею право на отдых. Выметайся, – он брезгливо махнул рукой, и Андрею ничего не оставалось, как выйти.

Не успел он захлопнуть дверцу, как старенький чероки присел и, шлифуя колесами по асфальту, сорвался с места. Его габаритные огни тут же растворились в потоке машин.

– Козел.

Почти неделю Андрей разбирался со скопившимися у майора делами. Навел порядок в сейфе для документов, заполнил журналы учета, систематизировал отчеты. Каждый раз, когда Андрею уже мерещился конец этой бесконечной бумажной волокиты, опять всплывало какое-нибудь дело, отлеживающееся в самом неожиданном месте.

Заполнив два больших стеллажа менее важными бумагами, Андрей как раз раздумывал, куда бы ему пристроить оставшиеся лежать под батареей папки. В темном углу справа от окна стоял еще один длинный узкий шкаф со стеклянной дверцей, явно выбивающийся из общей картины кабинета следователя, больше похожего на зал ожидания Московского вокзала. Андрей оценивающе окинул взглядом содержимое шкафа в виде трех толстых папок, занимающих часть средней полки. Взялся за ручку. Закрыто.

Стажер залез в стол начальника и быстро оглядел содержимое: пустые банки из-под пепси, несколько начатых пачек сигарет, новехонькая, еще в целлофановой упаковке, пачка презервативов. Андрей взял ее в руки и тут же брезгливо положил на место. Ключа не было. Чувствуя смущение от того, что влез на чужую территорию, Андрей осмотрел остальное и задвинул ящики. Раздосадованный неудачей, он огляделся вокруг, кусая губы в привычном приступе нервного возбуждения. Медленно крутанулся на месте, выискивая глазами места, где можно спрятать ключ. Ничего.

Замок был стандартный, то есть ему просто нужно найти точно такой же шкаф и побыстрее. Управление наверняка закупает мебель централизованно, значит, с этим не должно возникнуть проблем.

Андрей, несмотря на свой ум и два красных диплома, один из которых был по психологии, общения с людьми избегал. Тем не менее загадка заставила его пренебречь правилами и выйти из кабинета, в котором он прятался уже неделю. Конечно, под благовидным предлогом систематизации и упорядочения того хаоса, который развел у себя в делах майор Бисаев. Что при рвении и амбициях Андрея было само по себе унижительно.

Заглянув в первый же открытый кабинет, Андрей увидел похожий шкаф. И ключик в замочной скважине имелся. Он мельком взглянул по сторонам и, не теряя времени, устремился к заветному ключу.

– И тебе не хворать.

Эта фраза настигла Андрея прямо среди кабинета, надежно пригвоздив к месту. Он медленно обернулся. В дальнем углу, за одним из стеллажей, сидел пожилой мужчина в штатском и внимательно смотрел на него.

– А я... Хотел попросить. Я вас не заметил, простите, – Андрей взял себя в руки и развернулся к мужчине. – Добрый день, – он на мгновение замялся, – я стажер, – добавил он.

– Стажер, говоришь? И чего ты, стажер, хотел?

– Я могу позаимствовать ключ от вашего шкафа? Он очень похож на тот, которым закрыт шкаф в кабинете майора Бисаева. Я разбираю дела, и, в общем, один из шкафов практически пустой, я хотел сложить в него кое-какие папки, – закончил он.

Мужчина выпрямил спину.

– Я бы на твоём месте не трогал этот шкафчик, – сказал он и снова вернулся к писанине.

– Почему?

– Видишь ли, в этом шкафчике лежит дело, которым он занимается почти два года. Я не думаю, что он позволит тебе его открыть, – снова оторвавшись от заполнения бумаг, пояснил он.

– Какое дело? – настаивал Андрей.

Видя, что стажер не отстанет, мужчина отложил ручку и пристально посмотрел на Андрея. После паузы он всё же продолжил:

– Дело его дочери.

– Дочери? Я не знал, что у него есть дочь, – ответил вконец растерявшийся Андрей.

– Так и есть. Послушай, я не думаю, что я – тот, кто должен ввести тебя в курс дела. Спроси его сам. Но в его шкафчик я бы на твоём месте не совался.

Он снова принялся что-то писать, и, судя по энергичности, с которой ручка выписывала кренделя в графах отпечатанного листа, Андрей понял, что разговор окончен. Он неловко переступил с ноги на ногу, словно не решаясь сделать шаг, а может быть, ждал, что мужчина передумает и просветит его насчет этого загадочного дела, но тот, видимо, ушел в работу с головой, и Андрею ничего не оставалось, как ретироваться.

Вернувшись в кабинет, он снова подошел к шкафу. Замок был хлипкий, но нарываться на неприязноты Андрей не хотел, поэтому решил пойти другим путем.

– Чем занимаешься, стажер?

В кабинет вошел Бисаев, похоже, в прекрасном расположении духа. Он со всего маху шлепнул папкой о столешницу и плюхнулся на стул.

– Так, дела разбираю, – уныло ответил Андрей. Он отставил чашку с только что заваренным кофе на подоконник и выпрямился на стуле.

– Свету Николаеву помнишь? – разглядывая кислую физиономию стажера, спросил Борис.

– Конечно, – тут же приободрился Юдин, предвкушая настоящее задание.

– Парнишку ее – Хрычу?

– Так точно, товарищ майор. Валерий Седов, живет в доме напротив, в третьем подъезде, квартиру мальчик не вспомнил, – отчеканил Юдин.

– Короче, ноги в руки и бегом к этому Хрычу. Узнай, где, когда, при каких обстоятельствах он видел Свету в последний раз. Про ее увлечения спроси. В общем, прояви смекалку, ну и о том, чему в Академии учили, не забывай, – напутствовал новичка Бисаев.

Андрей, проигнорировав снисходительность, присущую тону шефа, вскочил со стула, схватил с вешалки плащ, сумку и, наконец, покинул опостылевший кабинет.

Оставшись один, Борис вмиг посерьезнел. Он медленно встал со стула и, приподняв портрет Феликса Эдмундовича, достал ключ. Вытащив из шкафа одну из папок, снова вернулся за стол. Прежде чем сесть, он вытащил из кармана джинсов игральную кость, переданную ему на время Витькой, и положил ее пакет для сбора улик, к двум таким же. Он в задумчивости перебирал кубики через пластик, не столько разглядывая их, сколько раздумывая. Он был уверен, кубик не простой и точно имеет отношение к делу «Игрока». Когда пропала Аня, Борис нашел точно такой же на пороге, под ковриком. Спрятал, гад, чтобы кто другой не взял.

И на этот раз экспертиза показала, что кубик сделан из человеческой кости. Но это не Аня. С облегчением подумал Борис. Он понимал, что тешит себя пустыми надеждами. Прошло почти два года. Ани, скорее всего, уже нет в живых. Он топчется на месте. У него нет зацепок, кроме путаных показаний свидетелей и игральных кубиков, найденных им на месте каждого преступления. Борис не понимал их назначения. Но точно знал, что это ключ к мотивации преступника. Зачем-то же он эти кости подбрасывает? Делает их сам? Такое не доверишь никому. Борис проверил всех чучельников, умельцев, врачей, которые имеют доступ к трупам. Ни-че-го. И это удручало. Он даже не понимал, сколько времени маньяк держит свои жертвы живыми. Грешным делом Борис даже подумывал, окажись эта кость Аниной, у него бы появилась точка отсчета. Но и здесь ему не везло.

На первый взгляд, это были обычные игральные кости. С шестью гранями и разным количеством точек на каждой. На кубике, что передал ему Витька, точки были на трех гранях.

Всего их было пять. На кубике, оставленном после похищения Ани, – одна. Он подкидывает игральную кость на место похищения новой жертвы, сделанную из кости предыдущей? Точки на гранях обозначают количество жертв? Значит, Аня была второй, Таня Матвиенко – четвертой, Света Николаева – шестой? Значит, кубик из Аниной кости сейчас лежит где-то и ждет, пока он отыщет его.

Борис запрокинул голову на подголовник и закрыл глаза. Он отслеживал все похищения подростков от четырнадцати до восемнадцати лет. Но ни на одном месте преступления кубика не было. Конечно, он мог потеряться, его попросту не заметили, не придали значения. Он снова выпрямился на стуле, достал из одного из файлов карту и развернул на столе. Красными точками были обозначены места пропажи девочек. Может быть, он слишком сузил поиски и преступник обитает на большей площади? Если так, он может промышлять где угодно.

Глава 3

Остывающий вечерний воздух всё еще источал запах нагретого за день асфальта. Заходящее за соседние девятиэтажки солнце отбрасывало на дорогу длинные тени. Андрей, легко перескакивая через темные участки, не спеша шел вдоль улицы Слободской в сторону дома. Машину он оставил рядом с управлением и решил пройтись. Его всё больше затягивало дело Светы Николаевой, особенно после встречи с ее парнем. Он торопился поделиться полученной информацией с Борисом Сергеевичем, но к тому времени тот уже ушел домой.

Дойдя до угла Слободской и Ломоносова, Андрей срезал через городской парк. Он снова вспомнил про игральную кость, которую Витька отдал Бисаеву. Что это за кость и какое отношение имеет к делу его дочери? Андрей пытался строить догадки, но все они рассыпались из-за огромного количества дыр в имеющейся у него информации. А скорее, почти полном ее отсутствии. Он обогнул озеро и невольно остановился, глядя, как дети кормят уток. Желудок заурчал при виде еды. Андрей только сейчас вспомнил, что, кроме чашки кофе, с утра ничего не ел. Над озером слышались зычные выкрики «рыба» и удары костяшек домино. В тени березовой аллеи сидел одинокий старик. В позе роденовского мыслителя застыл он над шахматной доской.

– Здорово, дядя Семен.

Увидев Андрея, старик улыбнулся и поднялся ему навстречу, протягивая для приветствия сразу обе руки.

– Андрюша! Пришел партеечку доиграть? – с лукавым прищуром поинтересовался старик, доставая из холщовой авоськи, лежащей на земле у его ног, еще одну шахматную доску. – Ты же помнишь, мой слон угрожает твоей королеве.

– Дядя Семен, давай в следующий раз, – взмолился Андрей, глядя, как старик расставляет по местам фигуры, и они мелко дрожат, занесенные над игровой доской, прежде чем занять свое место.

– Да брось. Удели старику несколько минуточек. Порадуй.

– Ну если только пару ходов.

Андрей устроился на пенке напротив и, обхватив руками подбородок, нахмурил брови, глядя на расклад фигур.

– А мне больше и не нужно. На этот раз тебе не выкрутиться.

– Это мы еще посмотрим, – протянул Андрей, не отрывая глаз от фигур, просчитывая все возможные варианты. «Атака или оборона?»

Юдин видел, что дед ошибся, делая ход, и, конечно, чтобы порадовать старика, должен был поддаться. Что ему стоило? Но охотничий запал не давал его воспитанию проявить почтение к старости, и Андрей уверенно передвинул свою пешку вперед.

– Шах и мат! – торжествуя сказал Андрей, щелчком пальцев сбив неприятельского ферзя.

– Да как же так? – недоумевал старик, пялясь на поверженного короля. – Чертова пешка. Никогда не ждешь от нее опасности, а оно вон как выходит, – он разочарованно вздохнул, протягивая Андрею руку.

Большой овальный стол в генеральской квартире был накрыт к ужину. Сергей Николаевич Юдин восседал во главе стола. Его жена – маленькая улыбчивая женщина – суетилась рядом, заканчивая сервировку. Завидев входящего в двери гостиной Андрея, она с корзинкой хлеба в руках ловко обогнула стол и чмокнула сына в щеку.

– Ты руки помыл? – спросила она, вернувшись к столу.

– Конечно, – ответил Андрей и сел на свое место слева от отца.

Пятидесятипятилетний генерал, словно на совещании в генштабе, сидел с абсолютно прямой спиной и совершенно непроницаемым лицом. Андрею казалось, что если бы, каждый раз приходя домой, он так и оставался в своем генеральском кителе, вся его чопорность выглядела бы менее карикатурной. Такими людьми мы гордимся, когда читаем о них в книгах, но вот жить с ними под одной крышей – это испытание. Весь их нехитрый быт был подчинен уставу. Отец делал некоторые послабления матери, но что касалось сына, генерал был неумолим, воспитывая в нем настоящего мужчину. Но воспитал лишь такого же социопата, как он сам, с непомерным чувством долга и отсутствием друзей.

– Как тебе работается с Бисаевым? Не разочаровался? – отец на мгновение поднял глаза от тарелки и взглянул на сына.

– Нет. Почему я должен был разочароваться?

– Ладно.

Вместо голосов снова заговорили столовые приборы.

– Ты знал, что у Бисаева была дочь? – вдруг спросил Андрей.

– Почему была? – вилка с ножом снова застыли над тарелкой, и генерал внимательно посмотрел на сына.

– Я не знаю, с ней же что-то случилось? – Андрей понимал, что лучше спросить об этом в отделе, но не хотел слухов, которые непременно докатятся до Бисаева.

– Почему у него не спросишь?

Андрей знал: отец не любит сплетен, и сейчас пытался оправдать свой интерес.

– Думаешь, он расскажет мне? – совершенно искренне поинтересовался он и так же, как отец, начал медленно нарезать ножом стейк у себя в тарелке.

– Его дочь пропала полтора года назад, – после небольшой паузы ответил Сергей Николаевич.

– Сбежала?

– Сам как думаешь? – спросил отец, бросив на сына беглый взгляд.

– Думаю, нет. Судя по размеру дела, которое он завел.

– Не лезь туда, – отрезал генерал. – Не бреди чужие раны.

– Но у него есть теория, – не унимался Андрей.

– Теория есть, – ответил отец. – Но не все теории до добра доводят. Бисаева, по крайней мере, не довели. И вообще, почему это тебя так интересует?

– Просто интересно, – отмахнулся Андрей.

– Просто интересно! – понизил голос отец. – Криминалистика – это наука, основанная на совокупности улик. У Бисаева нет ничего, чем бы он мог подкрепить свои слова. А понять его нетрудно. Надежда. Она лишила его рассудка, – костяшки пальцев, которыми отец сжимал столовые приборы, побелели.

Андрей замолчал. Во рту разлагались трупы несказанных слов. Лицо его покраснело от усердия, с которым он старался сохранять видимое спокойствие. На отца он старался не смотреть. Но на помощь, как обычно, пришла мама. Она сначала осторожно, потом всё более уверенно начала интересоваться его делами на работе. И скоро напряжение за столом сошло на нет.

Перед тем как лечь спать, Андрей долго стоял у окна и смотрел на покрытую пухом землю, и почему-то вспомнил, как мальчишкой с завистью наблюдал за тем, как местная шпана жгла тополинный пух спичками. Как огонь мгновенно разбежался по сторонам, образуя на земле выжженный ровный круг. Ему захотелось бросить спичку в центр этого серовато-белого ковра и смотреть на то, как огонь молниеносно сожрет всё вокруг.

Борис сидел на диване в гостиной и слепо пялился в пустоту. Он всё чаще в последнее время чувствовал меланхолию. Никогда раньше не замечал за собой тяги к запоминанию дат. А сейчас они, словно зарубки, невольно начинали ныть в его душе одиночеством. Сегодня два года с момента, когда Аня появилась на пороге его дома.

В комнате стоял полумрак: ни один луч закатного солнца не мог пробиться через плотно задернутые портьеры. Погруженный в свои мысли, Борис скользил взглядом по фигуркам оригами, составленным на длинной узкой полке над телевизором. Мерцающий свет от экрана освещал их угловатые контуры, отбрасывая на стену длинные пугающие тени.

– Опять ты эти дурацкие фигурки мастерить? Лучше бы посуду за собой убрал, – звеня пустыми бутылками, ворчала Аня.

Она посмотрела на него с ненавистью. Борису на мгновение стало страшно. Он отложил газетный лист обратно на стол.

– Во сколько ты вчера пришла?

– А тебе не пофиг? – огрызнулась она, и, еле уместив посуду в обеих руках, вышла из гостиной.

– Не смей со мной так разговаривать, слышишь. И вернись, будь добра.

Из кухни донесся звон ссыпающихся в раковину тарелок, и в дверях снова появилась Аня. Ее фигура застыла в немом вопросе: «Что еще?» Она то и дело сжимала в руке губку для мытья посуды, с вызовом глядя на Бориса. Он почувствовал какую-то душную слабость, невозможность противостоять этой маленькой женщине, грозно застывшей в дверях его еще недавно холостяцкой берлоги.

– Пока ты живешь в моем доме, будь добра слушаться, – выпалил он, задетый ее пренебрежением. Это была самая идиотская фраза из тех, что крутились в голове. И чтобы хоть как-то прикрыть собственную некомпетентность в вопросах воспитания, строго добавил: – Поняла?

– Поняла, – с тем же вызовом бросила ему в лицо дочь и демонстративно вернулась на кухню.

До воспаленного слуха Бориса еще долго доносились нарочито громкий перезвон посуды и хлопанье дверей шкафов. Каждый новый звук – выверенный и точный – бил по его самолюбию, вызывая невольное чувство вины.

Не выдержав, он поднялся с дивана и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью – поставив тем самым жирную точку в визгливой какофонии затянувшейся ссоры.

Он долго бродил по улицам, не зная, куда податься, чувствовал нервное возбуждение, которое немного успокаивали прохладный ветер и быстрое движение. Назад он повернул, лишь когда окончательно продрог в сырых непроглядных осенних сумерках.

В квартире было тихо. Он аккуратно повесил куртку на вешалку, кроссовки встали в ряд с изящными сапожками и ботиночками.

Проходя мимо комнаты дочери, он остановился и прислушался. После секундного раздумья приоткрыл дверь и, видя, что она уже спит, вошел. Девочка спала, чуть слышно сопя в темноте. Свет, ворвавшийся вместе с ним из коридора, очертил ее хрупкую фигурку, лежащую на кровати с раскинутыми в стороны руками. Рядом лежал телефон, на котором чуть слышно играла музыка. Борис поднял его и, отключив, отложил на стол, а потом долго разглядывал лицо дочери. Расслабившись во сне, оно казалось ему совсем детским. Длинные каштановые волосы рассыпались по подушке, к кончику носа прилипли несколько волосинок и каждый раз, при выдохе трепетали в потоке воздуха, от чего она смешно морщила нос.

Она была удивительно похожа на свою мать. Он встретил Марину в длинных коридорах Академии и моментально влюбился. Сразу понял, что пропал. Совершал какие-то идиотские поступки, пытаясь завоевать женщину своей мечты: унижался, носил ее сумку, дежурил у подъезда с цветами. Наконец эта надменная красавица дрогнула и сдалась.

Они поженились. Почти сразу родилась Аня. И так же стремительно, как когда-то он хотел ее покорить, он стал тяготиться ей. Она начала его раздражать. Теперь ее роскошные каштановые волосы были собраны на макушке в небрежный пучок. Талия расплылась, а на лице появилась печать усталости и безразличия. Какое-то время он пытался бороться с этими мыслями, убеждал себя, что надумывает. Пройдет год, и Марина снова расцветет. Но прошел год, два, три – ничего не изменилось. Он чувствовал себя похороненным с ней в одном гробу, вместе с планами и мечтами. Чувствовал, как ему тесно, как ему катастрофически не хватает воздуха. Он стал пропадать на работе, потом задерживался с друзьями, и в конце концов она не выдержала: собрала ребенка, вещи и ушла. Вместо угрызений совести Борис почувствовал облегчение. И в моменты, когда на него вдруг наваливалась тоска, он сдерживал себя, предпочитая топить ее в алкоголе или под завалами работы. Возможно, он не создан для семьи? Но сейчас, глядя на спящую дочь, чувствовал странное томление. Может быть, это всего лишь чувство вины?

Он осторожно убрал от ее лица мешающую прядь, расшнуровал и один за другим снял с ее ног кроссовки, поставил их возле кровати и, накрыв ее пледом, вышел.

Борис похолодел. Растревоженная память пробудила в нем одиночество. Цепляясь острыми когтями отчаянья, оно поползло по позвоночнику, вызывая желание закричать. Резкий звук дверного звонка вмиг привел его в чувство. Он с облегчением провел руками по волосам и пошел открывать.

На пороге как ни в чем не бывало стояла Лариска. Она несколько секунд рассматривала его напряженное лицо.

– Соли дашь? – она вытащила из-за спины небольшую чашку и протянула ее Борису. – Эй. Соли, говорю, дашь? – щелкнула пальцами у его лица, привлекая внимание.

– Возьми, – уступая ей дорогу, ответил Борис и не спеша вернулся в гостиную.

Через минуту в гостиной появилась Лариска. Она включила свет, окончательно распугав призраков, и они снова вернулись в свои темные углы, дожидаясь нового повода разбередить его душу.

– Всё хорошо? – спросила она, присаживаясь рядом.

– Всё хорошо, – бесцветно ответил Борис в пустоту перед собой.

Сладкий запах ее духов будоражил его. Он проникал в него, вытесняя то острое чувство одиночества и странной душевной слабости, которые появлялись каждый раз, стоило ему вспомнить дочь. Борис положил руку на ее колено. Ладонь заскользила по ее ноге. Он наблюдал, как коротенький шелковый халатик ложится на руку мягкими складками, обнажая упругое бедро. Он слышал усмешку в ее дыхании, во всей ее позе, в воздухе вокруг, но сейчас ему хотелось одного – поглубже зарыться в мягкую плоть, пряча в ней свое одиночество.

Борис старался как стахановец у станка. Пытаясь забыть, он рычал, неистово вбиваясь в горячее податливое тело. А Лариска, млея, запускала тонкие длинные пальцы в его растрепанные мокрые волосы, сильнее прижимая к себе.

Стучал по батарее разбуженный шумом сосед. А с утра в подъезде на первом этаже появилась надпись: «Лариска шлюха». Она, как транспарант, занимала всю стену напротив лестницы и была отлично видна даже тем, кто пользовался лифтом.

– Это Сашка из тринадцатой, – фыркнула Лариска. – Никак забыть не может, – она расмеялась и, легко сбежав по ступеням, выскочила на улицу.

Глава 4

– Вам же никто не верит. Все думают, что вы пытаетесь оправдаться, – Андрей тяжело дышал, вцепившись взглядом в Бисаева, который никак не реагировал на его слова, продолжая заполнять бумаги. – Я вам верю.

Борис наконец поднял глаза. Его ручка застыла над наполовину исписанным листом. Андрей понимал, у него секунд двадцать, чтобы убедить его.

– Я верю, что ваша дочь не просто убежала из дома. Я верю, – с нажимом повторил он, – что где-то есть человек, повинный в ее исчезновении, так же, как и в то, что я могу вам помочь его найти. Я изучал криминальную психологию. Мне нужно только взглянуть на дело. И немного времени, – добавил он.

– А мне нужна тишина, – устало произнес Борис, и снова ручка зазвенела по листу.

– Вы даже не дали мне шанса. Чем моя теория хуже вашей? Пара точек на карте и несколько кубиков в мешочке – вот весь ваш результат. Разве нет?

– Ты, Юдин, не забывайся, – угрожающе понизив голос, ответил Борис. Он отложил ручку и развернулся в полкорпуса к Андрею. – Это не теория, как ты выразился, а метод. Метод проверенный, в отличие от твоих домыслов.

– Да поймите же вы, за границей этот метод уже давно используется для ловли особо опасных преступников. Тех, чьи действия не подпадают под классификацию обычных преступлений. Судя по кубикам, это серийник. Если серийник, значит, у него есть свой почерк. Своеобразный ритуал.

– Я знаю, что такое почерк, – огрызнулся Борис.

Он откинулся на спинку стула и с мрачным видом прикурил. Отшвырнув зажигалку на стол, выдохнул струю дыма, что заволокла все пространство между ними, но Юдин видел, что Бисаев внимательно на него смотрит.

– Даже из скудных улики мы можем вытянуть информацию о характере преступника. И сложить из этих фрагментов психологический портрет. Увидеть становление убийцы.

– Я перелопатил все нераскрытые похищения подростков за последние пять лет, – небрежно стряхивая пепел, ответил Борис. – Ничего. Глухо. Тупик, – он встал со стула, с силой вмял окурки в пепельницу и отошел к окну. Заложив руки за спину, равнодушно смотрел на серый пейзаж за окном. – Знаешь, Юдин, иногда я ловлю себя на мысли, что хочу просто определенности, понимаешь?

Он обернулся. Андрей невольно поежился, увидев печать какой-то страшной предопределенности на его потемневшем лице.

– Борис Сергеевич, вы ничего не теряете, если позволите мне помочь вам, – тихо сказал Андрей. – А вдруг.

– Вдруг, – усмехнулся Борис, словно опомнившись, вспоминая свой сволочный характер. – Вдруг, Юдин, даже кошки не рождаются. Ладно, хорош трепаться. Нужно еще свидетеля по делу об ограблении ювелирного опросить.

Одним быстрым движением он захватил со стола сигареты и зажигалку и быстро направился к двери.

– Ты идешь? – обернулся он к продолжающему сидеть Андрею.

Тот подскочил с места и бросился следом.

На улице было пасмурно и мерзко. Утренний дождь принес с собой похолодание, воздух наполнился холодной дождевой пылью. Юдин поежился под своим тоненьким пиджачком, который, не подумав, надел с утра, надеясь, что к обеду распогодится. Борис подошел к

машине, но вместо того, чтобы разблокировать замок, снова достал сигарету и прикурил. Щуря от дыма правый глаз, он с молчаливым высокомерием наблюдал за озябшим Андреем.

– Знаешь, в чем твоя проблема, студент? – начал он, ткнув в сторону Юдина рукой с сигаретой. – У тебя полная башка знаний и совершенно нет опыта. А я уже пятнадцать лет работаю и такие случаи видел, ни под какой профиль не загонишь. Знаешь, как в одном фильме сказали: «Что немцу хорошо, русскому – смерть!» Между прочим, нашем, – назидательно подняв указательный палец, закончил Бисаев. Он с размаху бросил окурочек себе под ноги и растер его ногой.

– Этой своей крутизной вы лишь хотите прикрыть собственные слабости. Просто хорошо отрепетированный мудацкий трюк, – глаза Юдина сверкали несвойственной ему решительностью.

– Чё ты сказал? – с угрозой переспросил Борис, надвигаясь на оппонента твердо и неуклонно. – Трюк? Я тебе сейчас еще один трюк покажу, недомерок.

– Я вас не боюсь, – срывающимся от напряжения голосом выпалил Андрей и закружил по асфальту в боксерской стойке, неуклюже выставив вперед кулаки.

– Ты ж, мать твою, реально решил мне навалить? – усмехнулся Борис.

– Не сомневайтесь, – процедил сквозь зубы Андрей. И раньше, чем Борис успел заметить реальную опасность, врезал ему по носу.

От неожиданности отпрянули оба. Андрей бледный, как простыня, смотрел на вязкую струйку крови, которая потекла из разбитого носа шефа. Борис, уже намеривавшийся обернуть всё в шутку, недоумевающе пялился на парня с явным желанием ответить за столь унижительный пассаж.

– Я... я не хотел. Я... Вот, возьмите, – Андрей полез обеими руками в карман брюк, пытаясь вытащить оттуда носовой платок. Наконец ему это удалось, он так и застыл с протянутой рукой. Желваки на лице Бисаева напряглись, во взгляде читалась угроза. Андрею хотелось отдернуть руку, но он не мог пошевелиться.

Борис рывком выдернул из его руки платок и прижал к разбитому носу.

– Еще раз такое выкинешь, я тебя в куски покромсаю, понял? А теперь садись.

Стажер быстро кивнул и, обогнув капот, сел на переднее сидение.

Мотор взревел, машина, шлифуя по асфальту, пару раз вильнула из стороны в сторону и сорвалась с места.

Опрос свидетеля прошел нервно. Борис был немногословен и всё время курил, чем явно раздражал свидетеля. Тот кривил рот, демонстративно прикрываясь рукой. Однако Бисаева его театральные ужимки не впечатлили, и он продолжал задавать вопросы с садистской нетерпимостью. Андрей, сидевший на противоположном конце стола в кабинете ограбленного ювелира, в разговор не вступал, лишь записывал.

– Что, ненавидишь меня? – с улыбкой спросил Борис, когда они вышли на улицу. – За границей, говоришь, используют?

– Так точно, товарищ майор.

Андрей повернулся к Бисаеву, наблюдая, как тот разглядывает первые вечерние звезды.

– Ну что ж, твой хук заставил меня пересмотреть отношение к твоей теории, – он посмотрел, наконец, на стажера.

Андрей молчал, пытаясь прочитать по совершенно нейтральному лицу шефа, что на самом деле значат его слова.

На следующий день, с самого утра, Андрей принял в руки дело, вокруг которого ходил кругами уже вторую неделю. Аккуратно придерживая папки, он положил их на край стола Бориса, придвинул свой стул и с предвкушением открыл первую. Он всем телом ощущал на

себе молчаливо-насмешливый взгляд Бисаева, но сейчас даже он не мог омрачить того азарта, который испытывал Андрей перед загадкой, хранящейся в жесткой обложке.

Борис почти сразу вышел из кабинета по какому-то срочному делу, и Андрей остался в полном одиночестве. Он придвинул ближе кружку с горячим кофе и выложил на стол содержимое первой папки.

Борис, не останавливаясь, вошел в приемную шефа.

– У себя? – указал он пальцем на дверь.

Мария Поликарповна на мгновение оторвала взгляд от монитора, и почти сразу ее пальцы снова ритмично забегали по клавиатуре.

Кривцов, поворачиваясь из стороны в сторону в своем кресле, разговаривал по телефону. Увидев Бориса, он закатил глаза в приступе досады, показывая, что отделаться от собеседника не может. Борис сел напротив и принялся шарить глазами по столу в поисках того, чем мог бы занять себя. На глаза ему попала ручка, которую они отделом подарили шефу на прошлый день рождения. «За достойную службу», – прочитал он выгравированную золотом надпись. Скривив губы в саркастической ухмылке, он положил ручку на место и посмотрел в окно. Кривцов не переносил запаха табачного дыма. Борис без привычной сигареты чувствовал себя неуютно.

Кривцов положил наконец трубку и посмотрел на Бориса.

– Ну что, Бисаев, дело пытаешь или от дела лытаешь? – усмехнулся он и встал из-за стола.

Из большого глобуса он достал початую бутылку виски и пару стаканов.

– Ну рассказывай. Не томи. Не доброго же утра ты пришел мне пожелать?

Он подвинул Борису наполненный на два пальца стакан. С другим вернулся в свое кресло.

Борис несколько секунд гипнотизировал соломенную жидкость в стакане, затем разом опрокинул его содержимое в рот.

– Ты веришь, что я смогу ее найти?

– Я верю, что ты не остановишься, – ответил Кривцов и одним глотком осушил стакан. –

Что по девочке? – спросил он, переждав оторопь от выпитого.

– А может, к черту всё? Рванем на Клязьму, посидим с удочками, а, Львович? – с неожиданным энтузиазмом предложил Борис.

– Так я сколько раз звал, ты же не идешь. А может, и впрямь рванем в выходные на рыбалку? – с азартом поддержал Кривцов. – А чего, Надюха нам закуски соберет, посидим с удочками. А? Только ты, я и комары. Поехали. Хоть в эти выходные. Что скажешь?

– Ты прав. Давненько... – в задумчивости ответил Борис, поворачивая пустой стакан из стороны в сторону, разглядывая маслянистые подтеки на его прозрачных стенках, и, поднимаясь, бросил:

– Ты прав. В выходные.

Алкоголь приятным теплом угнездился в желудке, притупляя беспокойство. Выйдя из кабинета шефа, Бисаев направился к себе.

– Борис, – уже в дверях окликнула его Мария Поликарповна и сделала знак, чтобы он подошел. – Держи. Поешь. Сама пекла. Поешь, сказала. На лице вон одни глазюки остались.

Она всунула тарелку с пирожками Борису в руку. И ему ничего не оставалось, как поблагодарить ее.

В кабинет Бисаев вернулся повеселевшим.

– Стажер, ставь чайник, – с порога скомандовал он и поставил тарелку на край стола. – Ну что нарыл? – весело спросил он, доставая чашки.

Щелкнул, отключаясь, чайник. Борис разлил по чашкам кипяток.

– Вы здорово поработали со всеми этими пропавшими детьми. Насколько я понял, вы изучали дела за последние пять лет?

Борис прихлебывал чай, глядя на стажера поверх чашки. Андрей тоже машинально сделал глоток и отставил чашку обратно на стол.

– Вы правильно рассудили, – снова начал он.

Волнение металлом сквозило в его голосе, и Андрей кашлянул прежде, чем продолжить.

– Он продуманный сукин сын и, судя по почти полному отсутствию улик, обладает выдержкой, не торопится, каждый свой шаг заранее тщательно рассчитывает. Но! Он игрок. А значит, жаждет риска. На этом мы его и подловим. Становление некоторых преступников занимает годы, у других это как вспышка, озарение. У нашего игрока оно тоже было. Очень часто такие люди начинают с изнасилований, мелких правонарушений, домогательств. Тогда он мог быть менее осмотрительным, оставить свидетелей. Нужно найти его первую жертву.

Андрей перевел дыхание и, чтобы хоть ненадолго избавиться от немигающего взгляда Бориса, взял со стола пакетик с кубиками.

– Смотрите, этот кубик, он отличается от других. Он темнее. Дело в том, что после смерти в результате распада тканей кости трупа принимают более темный оттенок. Эта кость на вид темнее остальных. Возможно, преступник совершил свое первое убийство в состоянии аффекта, испугался и закопал тело. Но, как я уже говорил, убийство, изнасилование и прочее, что маньяк делает со своими жертвами, – это лишь часть удовольствия. Многие потом приходят на место преступления, чтобы снова испытать ту эйфорию. Можно предположить, что наш игрок тоже вернулся на место преступления, тогда-то у него и начал появляться его ритуал. Судя по анализу ДНК, – Андрей быстро нашел среди бумаг заключение экспертизы и показал его Борису, – посмертные изменения в первой кости выражены сильнее, чем в остальных. Это его первая жертва.

– Я, как ты понимаешь, сам до этого догадался, – ответил Борис, даже не глядя на кубик, который Андрей продолжал держать в руке. В голосе его читалось пренебрежение, которым он пытался скрыть задетое самолюбие. – И ты не забывай, у нас нет трупа. Нет! Понимаешь? Всё, чем мы с тобой располагаем, – три игральные кости. Сделанные, опять же, как мы с тобой предполагаем, из костей жертв. Так что короче, теоретик. У нас с тобой есть три имени предположительно жертв нашего маньяка, правильно? Правильно! Я проверил всё, что могло связывать Аню с Таней Матвиенко. Ничего. Учились в разных школах, жили в разных районах города. Тупик, понимаешь? По другим следам его искать надо.

– А внешние связи. Врачи, кружки?

– Да проверил я, – махнул рукой Борис и принялся мять пачку сигарет в ладони. – Что ты по Свете выяснил?

– Валера рассказал мне, что незадолго до ее исчезновения они поссорились. Ни в какие кружки Света не ходила. Я, знаете, что подумал, а если это школьный психолог? Ну смотрите, все из неблагополучных семей, – начал Андрей, но запнулся и поднял глаза на Бисаева. – Я имел в виду...

– Не мороси, Юдин, – брезгливо бросил Борис. – Если каждый раз ты будешь волноваться, как девочка... Аня – такая же предполагаемая жертва, как Света и Таня.

– У каждой из девочек были проблемы в семье, – продолжил Юдин. – По словам Хрыча, ну, Валерия Седова, Свету обязали ходить к школьному психологу после того, как она подралась с одноклассницей. Я проверил его. Блохин Илья Витальевич. Ничего существенного Седов про него не сказал. Может быть, Аня тоже ходила к психологу?

– Блохин, говоришь? Ни в деле Тани, ни в деле Ани никакого Блохина не было. Я пробью его по своим каналам.

Борис поднялся и, прихватив с тарелки пирожок, направился к выходу.

– Шкаф запири, – он бросил Юдину ключ и вышел за дверь.

Всю дорогу до дома Борис никак не мог избавиться от мыслей об Ане. Они, как заезженная пластинка, снова и снова всплывали в сознании. Он даже не знал, ходила Аня к психологу или нет. Как, впрочем, и много другого о ней. Дворники ритмично двигались по стеклу, на время возвращая четкость размытому серому пейзажу за окном. И снова фары едущих впереди машин расплывались перед глазами красно-желтыми пятнами.

– Слушай, давай мир, а? Я блинов напекла. Ты чай будешь или кофе?

– Чай, – Борис поднялся с дивана и направился вслед за дочерью на кухню.

В центре стола стояла большая тарелка с оладьями. Овальные, круглые, с подгоревшими краями, источая ореховый аромат пригоревшего сливочного масла, лежали они аккуратной горкой.

Аня поставила перед ним на стол чашку с горячим чаем. Сама тут же села напротив.

– Приятного аппетита, – она улыбнулась ему, и чтобы скрыть неловкость, сделала глоток чая, но тут же обожгла язык и, поморщившись, отставила чашку.

Борис ел молча, всё время напряженно думая, о чем с ней можно поговорить. Непринужденная беседа скрасила бы неудачное начало, но в голову не приходило ровным счетом ничего. Наконец, закончив этот неудобный, скованный чувством неловкости ужин, Борис поблагодарил Аню за чай и снова улегся перед телевизором. Из кухни доносился звон посуды и шум воды. Только после того, как Аня ушла к себе в комнату, Борис почувствовал облегчение.

Он много раз вспоминал этот вечер. Жалел, что так и не спросил у Ани, как они жили с мамой. Чем она увлекается. А сейчас он отчетливо понимал, что шанса на это, возможно, уже не будет.

Внезапный звук автомобильного гудка и стремительно приближающейся справа фары привели Бориса в чувства. Он стремительно нажал на тормоз, и машина юзом заскользила по мокрому асфальту, норовя вылететь на тротуар. Борис резко вывернул руль и наконец остановился. Откинув голову на подголовник, закрыл глаза. Он всё еще чувствовал запах подгоревшего сливочного масла, и сердце больно билось о ребра.

Глава 5

На следующий день с самого утра Борис поехал в школу, где училась Света Николаева. По пути он заскочил в ювелирный, чтобы забрать записи камер видеонаблюдения, однако хозяин – занудный маленький еврей – целый час мурыжил его новыми деталями, которые вспомнил после визита следователей, и в конце добил внушительным списком подозреваемых. Борис оказался бессильным против такого напора – пришлось всё подробно записать.

До школы Бисаев добрался ближе к полудню, изнемогая от головной боли. Визит его, как назло, совпал с переменой. Длинные коридоры мгновенно наполнились беснующимся, орущим на все лады, ученическим морем. Всё больше раздражаясь, он искал глазами того, кто подсказал бы ему, где находится кабинет психолога. Но прежде чем успевал к кому-то обратиться, его оппонент уже скрывался из вида.

– Эй, пацан, – Борис выхватил из толпы подростка лет двенадцати и притянул за рукав к себе. – Кабинет психолога где?

Мальчишка состряпал недовольную гримасу и торопливо кивнул в сторону открытых двойных дверей, ведущих в новый коридор. Тут же вывернулся из рук Бориса и, легко маневрируя в толпе, побежал догонять друзей.

Борис невольно проводил мальчишку взглядом: вот поэтому он не любит детей, и пошел в указанном направлении.

В узком коридорчике было всего две двери. На первой скучно висела табличка «Медпункт». Другая была гостеприимно открыта, и Борис устремился туда. Едва не споткнувшись о высокий порог, Бисаев оказался в большом светлом кабинете. Он не без удовольствия прикрыл за собой дверь, оставляя раздражающую его суету снаружи.

Вместо привычных глазу портретов почивших писателей и математиков вдоль стен висели умиротворяющие картины природы, располагались стеллажи с книгами и игрушками. У стола, перебирая бумаги, стоял молодой мужчина. Одет он был с щегольской утонченностью в коричневый в тонкую клетку костюм и галстук в тон.

– Вы ко мне?

Он быстро положил бумаги в папку, завязал тесемку на бантик и убрал ее в раскрытый шкаф за спиной.

– Чертов перфекционизм, – чуть заметно улыбнулся он, извиняясь за задержку, и сделал несколько шагов к стоящему на пороге Борису.

– Я ищу Блохина Илью Витальевича.

– Блохин – это я. Чем обязан?

– Я занимаюсь делом о пропаже Светланы Николаевой. Я так понимаю, она ходила к вам на консультации?

– Все-таки сбежала? – обескураженно покачал головой Блохин, бегло взглянув в раскрытое удостоверение следователя. – Да вы присаживайтесь.

Он указал Борису на один из кожаных диванчиков, стоящих вдоль выкрашенной в отвратительный грязно-голубой цвет стены. Сам присел тут же, развернувшись к собеседнику вполоборота, так, что их колени почти соприкасались. Борис сел поглубже на диван и выпрямился.

– Недолюбливаете людей? – спросил Блохин, с интересом наблюдая за его возней.

– Речь сейчас не обо мне, – Борис по привычке достал из кармана пиджака пачку сигарет, но, встретившись взглядом с Блохиным, убрал обратно.

– Итак, Света Николаева, – повторил он, чтобы прекратить наконец эти нелепые гляделки. – Вы считаете, что она сбежала из дома?

– Считаю, – спокойно ответил Блохин. – У Светы был синдром дефицита внимания. Такой диагноз сейчас – не редкость. Понимаете, современные подростки...

– Я могу на ее дело взглянуть? – прервал его Борис, предугадывая в размеренном тоне собеседника начало длинной занудной лекции по психоанализу.

– К сожалению, – развел руками Блохин и поднялся с места.

Он не спеша подошел к шкафу, куда несколькими минутами ранее убрал картонную папку.

– К сожалению? – переспросил Борис, наблюдая, как психолог, поднявшись на носки, достает что-то с верхней полки.

Блохин вернулся с папкой.

– Именно, к сожалению. Видите ли, Свету обязали посещать мои сеансы, но ни на одном из них она так и не появилась.

– Что тогда это? – Борис указал взглядом на папку, которую держал в руке Блохин.

– Это оценка ее психологического состояния, сделанная два года назад. Чем богаты.

Принимая из рук Блохина папку, Борис заметил, что костяшки его пальцев сбиты. Ссадины были свежие, но уже кое-где успели покрыться тонкой темно-бордовой корочкой. Тот поспешил отдернуть руку и неуклюже повел плечом, стараясь прикрыть ссадины манжетой рубашки.

– Неудачный день, – скривил он губы в подобии улыбки, присел на диван и уставился перед собой.

– Что вы можете сказать о Свете? Какая она была? С кем общалась, на что способна?

– Ну с кем общалась, этого я вам не скажу. Попросту не знаю, – он снова в полкорпуса развернулся к Борису. – Но девочка была, как говорят, оторва. Вы что-нибудь знаете о синдроме дефицита внимания?

– В общих чертах.

– Тогда вам не нужно объяснять, что такие ребята плохо учатся, страдают гиперактивностью, импульсивностью. Часто совершенно непредсказуемы. Для них внешний мир – это вызов. Света умела эпатировать публику. То фото, простите, с обнаженной грудью выложит в сеть, то драку устроит.

– Насчет драки поподробнее. Я так понимаю, именно после этого случая ее и обязали приходить к вам?

– Совершенно верно. Но, как я уже сказал, Света ни разу не приходила.

– Тогда почему вы предположили, что она сбежала из дома?

– После той драки родители пострадавшей девочки написали заявление в полицию. У нее было сотрясение мозга, и она какое-то время провела на больничном. Вопиющий случай, сами понимаете. Директору удалось уговорить их забрать заявление, мол, разберемся сами. Я как школьный психолог присутствовал при этом разговоре. Света кричала, угрожала, в том числе что сбежит из дома. В общем, обычная реакция незащищенного человека.

– Илья Витальевич, напишите контакты девочки, с которой у Светы вышел конфликт.

– Конечно-конечно, – Блохин поднялся с дивана и направился к столу. Быстро чиркнул пару строк и протянул листок Бисаеву: – Вот, пожалуйста. Здесь ее имя и адрес. Что-то еще?

– Вы давно здесь работаете? – принимая из рук Блохина листок, поинтересовался Борис.

– Около трех месяцев. А что?

– Порядок такой.

– А, ну, да-да. Я пришел в школу около трех месяцев назад. Но опыт работы у меня большой, – поспешил добавить он. – Если вы считаете меня...

– Нет, Илья Витальевич. Это обычный вопрос. Не нужно так волноваться.

– Я не волнуюсь, – стараясь скрыть раздражение, Блохин на мгновение отвел взгляд, но тут же снова посмотрел на следователя и строго спросил:

– У вас всё?

– Да, Илья Витальевич, вы мне очень помогли, – Борис протянул ему руку, и Блохин торопливо пожал ее.

– Вам помочь, баб Вер? – Илья придержал калитку соседке.

– Спасибо тебе. В магазин сахару привезли. А я ведь варенье варю, ну вот и таскаю поманеньку, – посетовала старушка, проходя в небольшой, засаженный цветами двор. – Может, зайдешь? Я ватрушек напекла. И отцу возьми. Как он? – обеспокоенно спросила она и обернулась к Илье.

– Спасибо, всё хорошо, – он дежурно улыбнулся и быстро вошел следом, забирая из рук старушки сумки.

– Хороший ты парень, Илюш, повезло ему с тобой. Ой, как одной-то тяжело. Как тяжело, – запричитала она, качая головой. – Иной раз встану утром, иду готовить завтрак. А поесть – нет, не хочу. А надо. Понимаешь? – она снова обернулась к нему на пороге, затем открыла дверь и повела гостя на кухню.

– Сюды ставь.

Илья молча поставил сумки у громоздкого буфета, наблюдая, как соседка суетится, пытаясь поджечь конфорку под пузатым подкопченным чайником.

– Давайте я, – он забрал у нее спички и в один момент зажег газ.

– Вот ведь совсем старая стала. Руки уж не те. Да ты садись-садись.

Илья сел за небольшой круглый стол, покрытый льняной скатертью. В центре стояло блюдо с пирогами. Хозяйка аккуратно убрала с него полотенце, предлагая гостю угощение. Пока она наливала чай, Илья не спеша ел еще теплую ватрушку.

Соседка без умолку болтала, считая своим долгом развлечь гостя беседой. Илья ее почти не слушал, только вежливо кивал, когда ловил на себе ее внимательный взгляд.

– Устал, небось, еще я со своей болтовней, – разглядывая Илью, сказала вдруг баба Вера.

Илья начал энергично жевать, чтобы ответить, но она махнула рукой.

– Чего уж, не понимаю я, что ли? Из-за отца вон каждый день на лектричке в город ездись. Конечно, устал. Ну ты кушай-кушай.

Старушка сложила губы трубочкой и громко втянула чай.

– Слышал, ефимовскую собаку-то убили? За деревней у леса нашли. Сколько раз я Володке говорила, чтобы привязывал свою бешеную псину. Ведь на всех же кидалась. Тебе вон давеча брюки порвала. Говорят, дикие звери, – после небольшой паузы встревоженно добавила она. – Ужас. Скверная псина была, прости господи. Но такого и ей не пожелаешь, – старушка, поморщившись, передернула головой, пытаясь отогнать пугающие мысли.

Илья взял из блюда еще одну ватрушку и, наклонившись над тарелкой, чтобы не крошить на стол, откусил.

– Вкусные у вас, баба Вера, ватрушки, – улыбнулся он, заметив на себе обеспокоенный взгляд старушки.

– Да, вкусные...

Илья вышел из калитки и направился вдоль покосившегося забора, буйно поросшего жасмином и крапивой, в сторону небольшого перелеска, что редкими свечками елей и бело-снежными стволами берез соединял деревушку с лесом. Многие участки здесь были брошены. Хозяева давно перебрались в город, и теперь их покосившиеся серые домишки взирали на редких прохожих пустыми глазницами темных окон, напоминая стоящих вдоль дороги уличных попрошайек.

Илье нравилась эта тишина и теплый летний вечер, что вместе с медленно катившимся за горизонт солнцем опускался на деревню, стрекотание кузнечиков и отдаленный, перекликающийся лай собак.

– Я дома, – громко сказал он, снимая на пороге обувь.

Мерное тиканье маятника старых часов усиливало глубокую тишину, царившую в доме. Легко ступая, Илья подошел к раскрытой двери в спальню отца. Опершись о косяк, наклонился вперед и заглянул в комнату.

– Не спишь?

Он подошел к кровати и посмотрел на нетронутый обед, который оставил с утра на тумбочке.

– Опять ничего не ел, – с беспокойством покачал он головой. – Ну ничего, всё устроится. Ко мне сегодня следователь приходил, – усмехнулся Илья, скорее, чтобы скрыть волнение, и в задумчивости отошел к окну. – Станный он. Беспокойный...

Илья прибрался в комнате отца, помыл посуду, налил себе большую чашку травяного чая и расположился с ней за столом у распахнутого настежь окна, глядя на алеющий в лучах закатного солнца лес. Эта странная, оглушающая тишина улицы породила в нем безотчетную тревогу. Неотвратимую, как предчувствие беды.

Глава 6

Первые лучи солнца позолотили макушки подступившего к самой воде леса. Борис поежился от утренней прохлады и поднял воротник бушлата.

– Держи, – Кривцов протянул ему термос.

Борис налил себе чаю и сделал глоток, сразу еще один. Внутри потеплело, даже захотелось расстегнуться. Он выпрямился, разминая затекшие мышцы, и уже веселее посмотрел на танцующий в воде поплавок. На дне лодки лежали с десяток небольших карасей.

– Может, надо было на Клязьму?

– Да брось, хорошо же.

Поплавок Бориса дернулся и утонул, потянув за собой леску. Разрезая воду, она быстро поплыла в сторону, изгибая тонкий конец удочки. Борис привстал в лодке и, выждав момент, подсек, чувствуя приятное сопротивление. «Полкило, не меньше», – с удовольствием отметил он про себя. Через мгновение над водой появился карась и, переливаясь в лучах солнца, медленно полетел в вытянутую руку Бориса.

– Хорош, – заулыбался он, вытаскивая крючок из безмолвно открывающегося рыбьего рта. – Смотри. Красавец.

Он положил улов на дно лодки, и новичок, выгибаясь, запрыгал в кучке притихших товарищей по несчастью.

– Ты покрепче ничего не прихватил?

– Ну чего ты, а? Ну хорошо же! Озеро, рыба, тишина. Зачем смешивать удовольствие? Будет тебе и покрепче. Представь, рыбка, поджаренная до хрустящей корочки, черный хлеб, обязательно большими неровными кусками. Помидорчики, огурчики и картошечка с зеленым лучком.

– Занудный ты мужик, Львович. Теперь жрать захотелось, – насаживая червя, ворчал Борис. – Картошечка – это хорошо!

– Возьми вон, в рюкзаке.

Борис забросил удочку на свое «счастливое» место и вытащил из рюкзака пакет с бутербродами.

В доме было прохладно и приятно пахло деревом. На большой сковороде весело шкварчали караси. Запотевшие рюмки были полны до краев.

– Давай, Львович, уже по запаху чую – готово. Я сейчас слюной захлебнусь, – торопил Борис, глядя, как друг колдует возле плиты.

Тот погасил под сковородкой огонь и, обхватив ручку полотенцем, поставил ее в центр стола.

– Ну наконец-то. Я думал, дуба дам, так жрать хотелось, – Борис окинул взглядом рыбу и подцепил на вилку самую маленькую. – Ну, давай, не чокаясь. Помянем, – с напускным драматизмом сказал Борис и не торопясь, с отяжкой выпил. – А грибочки Надюхины где? – шаря взглядом по столу, спросил он, с хрустом пережевывая рыбу.

– Черт, – спохватился Кривцов, – грибы-то я забыл. Дома, на обувнице стоят.

– Ну конечно. Я так и знал. Нет, ну без грибов это просто пьянка. И заметь, Львович, не я это начал, – и Борис разлил по новой.

Сковородка с рыбой стремительно пустела. Наевшись и разомлев от выпитого, мужчины откинулись на спинки деревянных стульев. Обветренные, подкопченные на солнце лица перестали гореть, затекшие спины расслабились.

– Как тебе стажер? – спросил Кривцов, наблюдая за тем, как Борис не спеша разливает тягучую, только что из морозилки, водку.

– Да нормальный парень. Зеленый, правда. Ну ничего, доработаем напильником, – усмехнулся Борис. – Сделаем из него следака.

– Что по девочке? – продолжил Константин Львович. И, поймав на себе недовольный взгляд Бисаева, добавил:

– Ну не водку же попить ты притащился сюда? Давай, Бес, не жмись. Выкладывай.

– Есть одна мыслишка, – словно нехотя начал Борис. – Всплыл по делу Светы Николаевой... Ну, девочки пропавшей, – добавил он, видя тень непонимания во взгляде Кривцова. – Так вот, всплыл по делу Светы школьный психолог. Поехал я к нему, пощупал. Странный он какой-то. Знаешь, из тех, кто мягко стелет. Не могу объяснить, просто чуйка. Пробил я его. И, знаешь, что интересно? Он работал в школе, где другая предполагаемая жертва училась, Таня Матвиенко. Только вот он уволился за два месяца до ее исчезновения. Совпадение?

– А чего ушел?

– Вот, – протянул Борис и наполнил рюмки. – В том-то и дело. Пока я директора в приемной ждал, познакомился с его секретаршей. Ничего такая, в форме, – с хамоватой прямолинейностью прокомментировал Борис и выпил. Его примеру последовал и Кривцов. – Так вот, рассказала она мне по секрету, что на психолога нашего жалобы были. Он к девочкам приставал. Трогал, в общем, проявлял нездоровый интерес. Ну директор сначала вроде как выгораживать его начал. Рассказывал о его профессионализме и трудолюбии. Потом выяснилось, что жену он его от затяжной депрессии вылечил, ну и отблагодарил его наш директор. Отпустил, так сказать, с миром. А понять его не сложно. Тут встречаешься пару раз в неделю и то иногда не знаешь, куда сбежать. А тут депрессивная, – с нарочитой веселостью продолжал Борис.

– Дурак ты, Бисаев, жениться тебе надо. Как Лариска? Всё бегаешь?

– Ну а куда она от моего животного магнетизма денется? – улыбнулся он. – А если серьезно, мать у нее опять слегла.

– Всё деньги ей подкладываешь?

– Ну она же птица гордая – сама никогда не попросит. Вот и извращаюсь каждый раз. Обидеться на меня – дело несложное, сам знаешь. А так она вроде как мой сволочный характер компенсирует. И гордость при ней, – печально улыбнулся Борис и потупил взгляд.

– Так что с психологом делать будешь? – после небольшой паузы спросил Кривцов.

– Ну я колыхнул болото, теперь его ход. Пошлю в школу нашего бойца, пусть он с учениками пообщается. Заставим нашего психолога понервничать, а там посмотрим.

– Сомневаешься?

– Да не знаю я. Что-то во всей этой истории мне определенно не нравится.

Борис подцепил вилкой картошку и долго разглядывал ее прежде, чем положить в рот.

Андрей, как обычно, пришел за полчаса до начала рабочего дня. Он повесил ветровку на рогатую вешалку у входа. Нажал упругую клавишу старенького чайника, и тот принялся ворчать, пока Андрей открывал окно.

Не успел он сесть, как в кабинет бодрым шагом вошел Борис.

– Здорово, студент.

Судя по кружке свежесваренного кофе в руке, он уже успел наведаться к Марии Поликарповне. Он скинул с себя светлый льняной пиджак и повесил на спинку стула. Руки его и лицо были темными от загара. От всей его огромной фигуры исходило ощущение свежести и странного, почти мальчишеского задора, словно внутри него туго натянулась пружина. Он, не садясь, принялся расхаживать по кабинету с кружкой в руке.

– Борис Сергеевич, вы что-то узнали? В школе, – осторожно поинтересовался Андрей, с удивлением наблюдая за перемещениями шефа.

Борис будто ждал этого вопроса. Он в два шага преодолел расстояние до стола и быстро сел.

– Похоже, Чудо-Юдин, ты оказался прав насчет психолога, – он отставил наполовину пустую чашку на стол и вытащил из-за уха сигаретку. – Станный он. Поработать с ним поплотнее надо, – в задумчивости проговорил Борис, постукивая сигаретой по столу. – Короче, ноги в руки и дуй в школу, в которой Света Николаева училась. Пообщайся с ее одноклассниками, с учителями, к секретарше загляни, – усмехнулся он. – Мне нужно знать, не водятся ли за нашим психологом грешки какие.

– Так вы действительно что-то узнали? – Андрей весь подался вперед. – Да?

– А вот это, друг мой Юдин, будет зависеть от того, какую информацию ты на него найдешь. И еще, возьми список учеников, с которыми наш психолог общается чаще остальных. Понял?

Андрей одобрительно кивнул, сгреб с подоконника блокнот и ручку и остановился на пороге.

– А я пока к избитой Светой девочке съезжу, – проговорил Бисаев, не глядя на застывшего в дверях Андрея. Наконец он перевел на него взгляд и бросил:

– Ну чё встал? Иди.

Андрей тут же скрылся за дверью.

Машина еле ползла в утренней пробке. Однако Борис никуда не торопился. Еще вчера вечером он созвонился с матерью Ксении Калашниковой и договорился о встрече. Время есть, и Борис использовал его, чтобы еще раз прокрутить в голове встречу с психологом. Еще раз подумать над тем, что его тогда смутило. Компульсия? Раннее самолюбие? Этого было мало, чтобы сделать выводы, и Борис снова и снова вспоминал подробности их встречи. Поводов для размышлений хватало, но ничего конкретного, за что он мог бы зацепиться.

Бисаев приехал к назначенному времени, поднялся на лифте на десятый этаж. В дверях его встретила хозяйка и, взглянув на удостоверение, пригласила войти. Она провела его по большому светлому холлу в гостиную и предложила на выбор одно из двух кресел. Сама же села на диван, поджав под себя ноги.

Несмотря на ранний час, женщина была уже в полной боевой готовности: уложена и накрашена. Вязаный домашний костюм делал ее изящную фигурку еще тоньше. Объемная кофта обнажала часть плеча и острую ключицу, над которой ровно билась венка. Борис невольно вспомнил Марину. Почувствовал запах ее кожи, это ненадолго лишило его контроля. Ему стало неловко, и он поспешил отвести взгляд и полез в карман за блокнотом.

– Итак, – строже, чем ожидал, начал он.

– Простите, – прервала его хозяйка, – а почему вас вдруг заинтересовало это дело? Мы с мужем забрали заявление. Тем более Ксюша перешла в другую школу и больше с этой девочкой, Светой, кажется, не общается, – с плохо скрываемым пренебрежением добавила она.

– Мне бы очень хотелось поговорить с вашей дочерью, но прежде я хочу задать пару вопросов вам.

– Хорошо, – неуверенно ответила она. – Я слушаю.

– Почему вы забрали заявление?

– После разговора с директором. Он убедил нас, что ребенку ни к чему все эти нервничающие процедуры. Что Свету возьмут на контроль и обяжут ходить к психологу. Вы знаете, конечно, это очень неприятный инцидент, но они дети. Мой муж вспылал. Он у меня юрист, – пояснила она уверенно. – А потом мы подумали, поговорили с Ксюшей и решили, что Аркадий Павлович прав. Ни к чему ей вся эта нервотрепка.

– Он приходил к вам домой? Психолог.

– Пару раз. У Ксюши было сотрясение мозга, и она почти месяц просидела на больничном. Он очень помог ей. Очень внимательный молодой человек. Такой воспитанный. А почему

вы спросили? К нам приходил не только он. Еще несколько учителей занимались с Ксюшей на дому, чтобы она не отстала от программы.

– Почему вы тогда перевели дочь в другую школу?

– Вы знаете, – женщина приподняла съехавшую с плеча кофту и, придерживая ее, потупила взгляд. – Ксюше стало неудобно. Она всегда была немного застенчивой. А после случившегося ей казалось, что все на нее пальцем показывают. Глупость, конечно. Да и новая школа с медицинским уклоном. Ксюша решила учиться на врача, – заметно повеселев, добавила она. – Так что мы не в обиде. Правда, ей приходится ездить в школу на автобусе, но остановка здесь рядом, – она жестом указала на окно.

– И ничего странного вы за ней в последнее время не замечали?

– Что вы имеете в виду?

– Необычное для нее поведение, – Борис старался не вдаваться в подробности, но мамочка всё равно насторожилась.

Ее взгляд начал блуждать по комнате, словно женщина пыталась что-то припомнить. Потом она снова посмотрела на него и покачала головой.

– Нет. Вроде нет.

– Я могу на ее комнату взглянуть?

– Да, конечно.

Она повела Бориса через небольшой коридор в сторону закрытой двери, на которой висела табличка «do not enter».

– Дурацкие подростковые шуточки, – фыркнула она и открыла дверь, пропуская следователя вперед.

– Она всегда закрывает дверь? – поинтересовался Борис, медленно обходя комнату.

Ничего сверхъестественного. Всё так же отчаянно чисто, как и во всей остальной квартире. Ни постеров на стенах, ни одной отличительной черты, по которой можно было понять, что за подросток здесь обитает. Вся квартира казалась Борису слишком вылизанной и безликой, словно это шоурум, который показывают потенциальным покупателям.

– В последнее время стала закрывать. Но она ведь уже взрослая. Я не придавала этому значения, – она чуть нахмурила четко прорисованные брови и внимательно посмотрела на следователя, словно ждала его одобрения.

– Какая она? – взгляд Бориса совершил по комнате круг и снова встретился взглядом со стоящей у порога хозяйки.

– Обычная девочка, – пожалала она плечами. – Хорошо учится. Занимается музыкой. Кстати, она вот-вот должна вернуться из музыкальной школы. И вы сможете с ней познакомиться.

И действительно, не успела женщина договорить, как раздался звонок в дверь.

Разговор с Ксенией прошел бездарно. Визит следователя ее явно напугал. На вопросы она отвечала односложно, а в конце вообще заявила, что у нее болит голова и уроки еще не сделаны.

Борис чувствовал, что получил еще одно неясное свидетельство собственной правоты относительно психолога. Теперь осталось сложить их вместе и озвучить вывод. Вывод, который Борис уже давно сделал. Но это странное назойливое ощущение, что что-то здесь не так, всё равно не покидало его. И еще одна деталь не давала ему покоя. Комната Ксении была слишком безликой. Только то, что предназначалось для чужих глаз. Ну не может же человек совсем не иметь личного пространства. У нее точно должен быть дневник.

Борис припарковал машину возле управления и быстро взбежал по ступеням. Он кивнул ребятам, что-то горячо обсуждающим у входа. Их громкие голоса и смех сейчас раздражали Бориса. Словно он нес в голове ценную информацию и решительно не хотел ее расплескать в

дружеских беседах. Как ни странно, но сейчас единственный человек, которого Борис хотел видеть, был Андрей. Что удалось найти ему?

Дернув ручку двери, он понял, что приехал раньше напарника. Борис открыл дверь ключом и медленно вошел в кабинет.

Глава 7

За пыльным стеклом электрички скучно мелькали редкие деревья. Илья был раздражен. Казалось, монотонный перестук колес еще глубже вбивал это раздражение в мозг, вызывая душное бессилие. Он просто хочет им помочь. Просто помочь. Больше ничего. Вялые, безынициативные, напрочь лишённые амбиций. Кем они планируют стать? Смешно. Семенихин в графе: «профессия» вообще написал: «козел»! Илья, конечно, понимал, что эта надпись предназначалась ему, но он уже давно не злился на них, ему было их просто жаль. Никому не интересные, никому не нужные, даже собственным родителям. Что мы вообще можем от них требовать?

Он сошел на небольшой станции, на которую указывала лишь потрескавшаяся, а местами уже плотно заросшая травой асфальтированная площадка. Узкая тропинка, протоптанная редкими пассажирами, вела через перелесок к раскинувшейся на холме деревеньке.

В доме дремала привычная ему тишина. Илья разулся и тихо подошел к открытой двери в комнату отца. Не захотел беспокоить его своим скверным настроением, так что, не заходя в комнату, направился к неприметной двери в конце длинного темного коридора. Раньше здесь была кладовая с большим земляным погребом, где маленький Илья провел много пугающих дней и ночей. Он повернул в замке ключ и открыл дверь. В лицо пахнуло спертое теплое дыхание подвала. Он долго всматривался в темноту, в которой терялась узкая деревянная лестница, не решаясь преодолеть сдавивший грудь сладкий ужас восторга. Включил свет, ярко освещая большую комнату с земляным полом. И сделал шаг, за ним другой, третий, и уже почти сбежал с последних ступеней, не в силах унять волнение в груди.

Вдоль стены, отделанной широкими натесанными досками, в зазоры которых проглядывала земля, стоял металлический стеллаж с книгами. Илья взял одну и присел на небольшой потрепанный диванчик. Потянул за кончик ляссе и открыл книгу. Он продолжил чтение с места, на котором остановился в прошлый раз. Чувствовал, как раздражение отпускает его. Илья никогда не торопился, когда читал. Он был уверен, что только чтение помогает человеку сохранить его индивидуальность, заставляет думать. Пять пар глаз были устремлены на него сейчас. Он знал, они внимательно его слушают. Ловят каждое слово. Ведь они уже на пути к совершенству. Пусть не всех, но их он спасет.

Илья чувствовал себя великолепно. Он снова сделал глоток чая, с умилением глядя на горизонт. Огромный желтый диск солнца скрылся уже наполовину и начал плавиться, как кусочек масла на горячем тосте, растекаясь в тонкую розовую линию. Постепенно густея, она становилась ярко-красной, и, словно ржа, начала пожирать горизонт. Скоро она перекинулась на землю, и по ней поползли длинные черные тени, будто крючковатые пальцы хтонического чудовища, которое пытается выбраться из-под земли. Это напомнило ему лангольеров, которые пожирают остатки вчерашнего дня. Они, как лава, текут по земле, переворачивая камни, с хрустом ломая скелеты тощих деревьев. Уже накренился забор и, слетев с задвижки, распахнулась калитка. Нетронутыми остались лишь несколько метров перед домом, но через пару минут и цветущие кусты жасмина, и яркие вспышки астр в палисаднике исчезнут в их ненасытной пасти. Казалось, сердце – загнанная безумной скачкой лошадь, рухнуло замертво, застряв между ребер. Еще метр. Они уже стекают вязкой черной жижей на стол. Перевернувшись, разбивается чашка, обдав его кипятком... Илья закричал и рывком сел на кровати. Он провел дрожащей рукой по спутавшимся мокрым волосам. Спустив ноги на пол, посидел так пару минут, пока окончательно не пришел в себя. Поднялся и пошел на кухню, снимая на ходу мокрую футболку.

Ополоснув лицо холодной водой, посмотрел в висящее над умывальником зеркало. На лбу кровь. Он снова расковырял запястье. Илья достал из настенного шкафчика бинт и отошел к окну. Мертвенно-бледный свет луны посеребрил макушки леса, залил белесой лужей столешницу, осветил его грудь и руки. Кровь в свете луны казалась черной. Илья провел подушечками пальцев по свежим ранам и вдруг быстро начал бинтовать. Ничего еще не потеряно. Он справится. Он сможет.

К тому времени, как Борис появился утром в дверном проеме, Андрей уже дописал отчет о визите в школу. Стоило шефу войти в дверь, как сердце у Андрея подскочило в груди от внезапно накатившего волнения. Он даже приподнялся на стуле, чтобы пожать Бисаеву руку и несколько секунд стоял согнувшись, ожидая, когда тот снимет пиджак.

– Готов? – спросил Борис, оглядывая стопку аккуратно сложенных бумаг на подоконнике. Он сел и уставился на стажера.

Андрей, как приготовившийся прыгнуть в воду спортсмен, набрал в грудь воздух и начал:

– Борис Сергеевич, вы в курсе, что про психолога слухи ходят, что он со старшеклассницами руки распускает?

– Юдин, выводы мы будем делать позже: как только ты доложишь по форме, что сумел выяснить вчера в школе.

– Да, конечно, простите, товарищ майор, – быстро исправился Андрей и начал излагать подробности визита в школу, изредка заглядывая в отчет, скорее для того, чтобы от волнения не превратить рассказ в кашу. Бисаев, казалось, слушал его без интереса, однако каждое произнесенное Андреем слово ложилось очередным доказательством его собственной теории, и сейчас он думал о Ксении Калашниковой. Как заставить ее говорить? Надавить? Утратишь контроль. Сама она вряд ли что-то скажет. Хотя попробовать в любом случае стоит. Борис посмотрел на притихшего стажера.

– У тебя все?

– Так точно.

– Вот смотри, Юдин, некий психолог Блохин распускает руки со старшеклассницами. Его вынуждают написать заявление по собственному, а через два месяца пропадает Таня Матвиенко. Он устраивается в другую школу, и еще через год пропадает Света Николаева. Как думаешь, кто следующий? Ксения Калашникова?

– Знаешь, что меня смутило в его поведении? То, как он сел. Рядом со мной на диван, – пояснил он, понимая, что торопится озвучить свою версию, от чего говорит путано. – Понимаешь, такое поведение оно...

– Бессознательное, – вставил Андрей.

– Бессознательное, – согласился Борис. – Человек может поменять манеру поведения, если, например, чувствует опасность. Но я не заметил, что он особенно нервничал, пока не услышал в вопросе сомнения в его компетенции. Ну, смотри, человек виновен в пропаже девочки. К нему приходит следователь, и что, он будет себя вести как ни в чем не бывало? Не думаю. Страх – это мощный стимул и отличный раздражитель. Либо он реально псих, уверенный в своей безнаказанности и абсолютно лишенный мук раскаяния. Тогда это меняет дело.

– Вы сомневаетесь?

– Видишь ли, друг мой Юдин, серийный убийца – все-таки редкий зверь. Но здесь я, пожалуй, с тобой соглашусь. Он начал приставать к Ксении. Она испугалась и закричала. Он сбежал. Может, за год его почерк так поменялся? С нападения до убийства. Возможно ли, что он принял во внимание прошлые свои ошибки и сейчас просто убивает своих жертв, предварительно выманив их из дома? Тогда как он их выманивает? И главное, куда? У него должен быть дом, желательно в укромном месте, – продолжал рассуждать Борис. – Вот мы с тобой пытаемся вычислить этого урода, а он, возможно, именно сейчас очередную жертву присматривает.

Иногда, чтобы раздобыть крупицу нового знания о конкретном экземпляре, надо дождаться, когда эта сволочь совершит очередное преступление.

Казалось, он говорит сам с собой, медленно поворачивая между пальцами карандаш.

– Я проверил, нет у него загородной недвижимости. И у родственников, которых у него нет, тоже, – добавил прежде, чем Андрей успел открыть рот, его лицо оставалось бесстрастным. Он откинулся на стуле и сцепил руки на затылке.

– Что думаешь, студент? Как он их выманивает?

– Может, предлагает подвезти до дома? – осторожно предположил Андрей.

– В том-то и дело, нет у него машины. Ну вот представь, что ты маньяк. Как ты заставишь подростка идти туда, куда тебе нужно?

Андрей неопределенно пожал плечами, судорожно соображая. Ему хотелось произвести на патрона правильное впечатление, но, как назло, тот спрашивал у него то, к чему Юдин был однозначно не готов, чувствуя себя нерадивым студентом на экзамене.

– А что если он им смс посылал? Телефон-то у него есть.

– Неплохо, Чудо-Юдин, – ответил Борис и прикурил. – Сделай запрос сотовому оператору, чем черт не шутит. Сети его проверь.

– Может, домой к нему съездить, с соседями поговорить? – предложил окрыленный успехом Юдин.

– Ездил я. Никто ничего не может про него сказать. Тихий, неприметный. Золото, а не сосед. Ну должен же он где-то проколоться? – Борис раздраженно стряхнул пепел в пепельницу, просыпав часть на стол, и тут же сдул на пол.

– Я одного не понимаю, – начал Андрей, желая простимулировать дальнейшие рассуждения шефа. – Если дети говорят о том, что психолог этот скользкий тип, почему его в школе держат?

– Ты знаешь, сколько школьный психолог получает? Нет? Так я тебе скажу, тысяч двадцать. Ну кто, скажи мне, Юдин, за такие деньги работать пойдет?

– Обыск нужно в его квартире провести, – продолжал Андрей.

– Для начала нужно ордер получить, а это не так просто. Он, конечно, моральный урод, но у нас нет доказательств. А нет доказательств – нет ордера. Без ордера – всё это незаконно, а значит, напрасно. Он снова вывернется. Нет. Тут наверняка нужно действовать. Нужно разговорить Ксению Калашникову.

Борис отошел к окну. Он невольно вспомнил Аню. Возможно, этот урод так же близко подсаживался к ней, брал за руки. Ассоциации возникли мгновенно, совершенно неподвластные ему, заставляя его кулаки сжиматься в нервном возбуждении.

Глава 8

Людмила Калашникова даже не взглянула в раскрытое удостоверение следователя.

– И всё же я не понимаю, для чего вам снова понадобилось говорить с моей дочерью? – недовольно проговорила она, пропуская Бисаева в дом. – Ксения больше не общается с пропавшей девочкой, – она обернулась на Бориса, шедшего следом. – Объясните же наконец.

– Вы не волнуйтесь, обычная процедура. Мы опрашиваем всех Светиных одноклассников. Включая бывших, – поспешил добавить он, видя решительный настрой мамыши. Она остановилась посреди гостиной и несколько секунд гипнотизировала Бисаева взглядом.

– Вы не против, если я подожду Ксению в ее комнате?

Судя по гримасе недовольства, идея ей не нравилась. Но после некоторых колебаний она всё же разрешила Борису пройти в комнату дочери.

– Ума не приложу, что вы пытаетесь там увидеть? – повторяла она вслед Бисаеву.

Борис не решился заглянуть в стол или шкаф, так как мамаша зорко наблюдала за ним из гостиной. Он сел в небольшое кресло рядом с кроватью и снова окинул взглядом комнату. Шкаф для одежды, письменный стол, кровать, этажерка с куклами. Борис встал и подошел ближе, чтобы рассмотреть их. Все куклы были явно дорогие, как и обстановка комнаты.

– Ваша дочь коллекционирует куклы? – спросил он громко в раскрытую дверь. В коридоре тут же послышались торопливые шаги, и на пороге возникла хозяйка.

– Ну, конечно, ей нравятся куклы. Она же девочка. И потом, ну посмотрите, они же просто потрясающие. Эту, – она показала на сидящую в плетеном кресле фарфоровую даму с зонтиком, – мы привезли из Милана. А эта из Японии. Посмотрите на ее кимоно. Это точная копия одеяния высокородных японок девятнадцатого века.

– Я вижу, вы разделяете страсть дочери.

– Куклы – моя слабость, – проговорила хозяйка. Она хотела что-то еще добавить, но в дверь позвонили, и она пошла открывать.

В прихожей послышались голоса, и несколькими минутами позже в комнату вошла Ксения. Она так же, как и ее мать, была не очень-то довольна визитом следователя. Ксения прошла мимо Бориса и бросила футляр со скрипкой на кровать. Развернулась к следователю в немом вопросе.

– Мы можем поговорить?

– Вы снова хотите спросить про Свету?

– Нет. Я хочу, чтобы ты рассказала мне о занятиях у школьного психолога. Блохина Ильи Витальевича.

Ксюша нахмурилась и отошла к окну.

– А что конкретно вас интересует? – не поворачиваясь, спросила она.

– Всё. Как долго он занимался с тобой, как часто приходил, когда ты болела, о чем вы разговаривали?

Ксения молчала, но Борис видел, как напряглась ее спина.

– Ты можешь сесть? Мне не очень приятно разговаривать с твоей спиной.

– Не очень приятно? – усмехнулась она. – А мне не очень приятно, что вы лезете в мою жизнь, – она развернулась к нему и, заложив руки за спину, оперлась ими о подоконник.

– Да, наверное, так и есть, – проговорил Борис, обдумывая, как исправить положение. – Любишь музыку? – спросил он, кивнув на лежащий на кровати черный футляр.

Губы девочки искривила брезгливая усмешка.

– Обожаю, – с наигранной веселостью ответила она.

Бориса обескуражила перемена в поведении Ксюши. Эта злая напускная веселость, которую он много раз слышал в голосе Ани, видел в резких нервных движениях рук, кривящейся на лице бесноватой улыбке. словно внутренняя неудовлетворенность, почуяв свободу, выглядывала из ее глаз, опаляя окружающих лихорадочным жаром приближающейся истерики.

– Тебя кто-то обидел? – спросил он.

Перекошенные злорадством черты лица расслабились, и она, ссутулившись, уставилась перед собой.

– Вам никогда не казалось, что вы в клетке? – совершенно безэмоционально спросила она в пустоту. – Дом – клетка, школа – клетка, вся жизнь – лабиринт из клеток, выхода из которого нет. Тебе говорят: он точно есть, нужно приложить усилия, перетерпеть, просто захотеть. А вся правда в том, что еще никто его не нашел – выход, – она подняла на Бориса глаза.

По ее взгляду было видно, она ждет не ответа, а лишь немного признания собственной правоты. Она удовлетворенно отвернулась. Борис не мог ей возразить. Не знал как. Он тоже много лет искал этот выход. Но, в отличие от Ксюши, не мог признаться в этом вслух.

– Мне нечего вам сказать. Простите, – вдруг совершенно спокойно сказала она и направилась к выходу, давая понять, что разговор окончен.

Борис ехал домой и всё думал о Ксюше. Она хотела услышать от него слово, а услышала привычную ей тишину. Сейчас, когда она не слышит его, он горячо соглашался с ней: и с клеткой, и с безразличием этой сраной жизни. В ней не так много правды: песня, под которую ты в первый раз пригласил на танец понравившуюся девочку. Воспоминание о запахе волос любимой женщины, чувство пронзительного страха и робкой радости, когда она сообщает тебе, что ждет ребенка. Именно в этот момент ты чувствуешь движение жизни, слышишь, как поворачиваются ее колесики, понимаешь, что уже никогда не будет, как раньше. И только сейчас Борис понял, что в тот момент слышал поворот невидимого ключа, открывающего металлическую дверь. Мы все мечтаем о свободе, а получив ее, замираем в ужасе, не зная, что с ней делать. Мы не умеем жить без клетки, вот в чем парадокс жизни. Борис чувствовал душную слабость. Постоянно передергивал плечами, будто хотел стряхнуть ее с себя. Ему вдруг стало тесно в собственном теле. словно он силился выпрыгнуть из объятых пламенем сердца.

На скамейке у подъезда сидела с мамой Лариска. Клавдия Ивановна выглядела осунувшейся и бледной. Лара держала ее за руку, готовая откликнуться на любое ее движение. Борис сразу заметил это по ее сосредоточенному лицу. Но стоило Лариске заметить его приближение, как она беззаботно улыбнулась и помахала ему вместо приветствия рукой. Борис поздоровался с обеими, его взгляд на мгновение задержался на лице Лариски, и она чуть заметно кивнула ему.

Он поднялся в квартиру и, не раздеваясь, пошел на кухню. Налил стакан воды, но пить отчего-то не хотелось. Борис опустился на стул, уставившись в пустоту. Открылась и закрылась входная дверь. Легкие шаги. Зажегся свет.

Лариска, подбоченясь, смотрела на него, надменно-кокетливо улыбаясь. Она была в любимом шелковом платье, облегающем ее округлую грудь.

– Можешь оладий напечь? – вдруг спросил он, как приبلудный пес, заглядывая Лариске в глаза.

Она наигранно фыркнула:

– Напеку. Чего не напечь?

Она по-хозяйски принялась вальсировать по кухне, хлопая дверцами шкафов, заглядывая в холодильник, доставая продукты и посуду.

Через полчаса на столе стояли тарелка горячих, пахнущих сливочным маслом оладий и две пиалки с медом и малиновым вареньем. От них исходил крепкий аромат уюта. Борис с

аппетитом принялся за блины, пока Лариска, подперев рукой подбородок, с интересом наблюдала за ним.

Съев почти всё, Борис откинулся на спинку стула, прикрывая в истоме глаза. А потом снова посмотрел на Лариску, устремив взгляд в ложбинку между аппетитных грудей. Он взял ее за руку и потянул к себе. Лариска подскочила со стула и, изящно обогнув угол, встала перед ним. Она была такой же уютной и горячей. Он уткнулся лицом ей в живот. От нее едва заметно пахло цветами и сливочным маслом. Он вдруг поднялся, одним махом смел со стола посуду и под звон разбивающихся чашек рывком усадил Лариску на стол.

Несколько минут стол энергично бился в соседскую стену, под вздохи и сопение. Потом Борис курил на балконе. Лариска стояла рядом. Невольно ежилась от вечерней прохлады, кутаясь в его рубашку, небрежно наброшенную на голое тело. Ветер играл в ее длинных волосах. Их кончики то и дело щекотали плечо Бориса. Но сейчас это не раздражало, напротив, ему нравилось ее молчаливое присутствие. Он щелчком отстрелил окурок, и тот, очертив в воздухе светящуюся дугу, исчез в темноте.

Борис крепко обнял Лариску за плечи и с силой притянул к себе. Она вздрогнула и даже попыталась сопротивляться, но вдруг положила голову ему на плечо и вся обмякла в его руках.

– Мне пора, – прошептала она прежде, чем Борис начал тяготиться своим спонтанным поступком. И изящно выскользнув из его объятий, легко, на цыпочках, упорхнула в комнату.

Через несколько минут захлопнулась входная дверь. Борис еще немного постоял, облокотившись на перила, глядя на ярко освещенный фонарем островок возле подъезда. На него навалилась усталость. Борис закрыл балконную дверь, запер замок входной и машинально раскрыл лопатник, который всегда лежал на комод у входа.

Странно. Лариска ничего не взяла. Борис швырнул лопатник обратно на комод и пошел спать.

В кабинете Кривцова было тихо. Мужчины молча смотрели друг на друга. Казалось, они играют в игру: кто кого переупрямит. Первым заговорил Константин Львович.

– Насколько ты в этом уверен?

– Да уверен я, – бросил Борис и принялся кусать заусенец на большом пальце. – С каких это пор ты не доверяешь мне?

– С тех пор как ты занялся частным расследованием.

Борис криво усмехнулся и наконец убрал руку от лица.

– Башку даю, что-то тут не так.

– Смотри, без головы останешься, – проговорил Кривцов, пока шел набор номера.

Борис старался изобразить спокойствие, однако невольно подался вперед, слушая разговор Кривцова с женой. Когда тот положил трубку, Борис быстро откинулся на спинку стула.

– Завтра, – коротко ответил Константин Львович на вопросительный взгляд Бориса. – С родителями девочки проблем не будет?

– Не должно. Есть у меня одна мыслишка.

– Меня посвятить не хочешь?

– Да брось, Львович, всё будет чики-пуки, – поднимаясь со стула, ответил Бисаев.

– Борис, – окликнул его шеф уже на пороге. – Дров не наломай, – после продолжительного молчания сказал он.

В кабинет Бисаев вернулся в радостном предвкушении. Сейчас, когда дело сдвинулось с мертвой точки, ему казалось, что всё происходит слишком медленно. Будто всё вокруг противятся этому. Он окинул взглядом склонившегося над бумагами Андрея. Нужно ему стол поставить.

– Закончил с ювелирным? – спросил Борис, прикуривая.

Он сел за стол, отшвырнул пустую пачку и затаился.

– Вам удалось? – игнорируя вопрос, спросил Юдин.

– Завтра, – ответил Бисаев и снова крепко затаился.

– Думаете, получится?

– Лет пять назад, – на мгновение задумался Борис, – да, в десятом году дело было, – мы маньяка одного разрабатывали. Следовая картина уж больно путаная была. Сложно было за что-то зацепиться. Ничего не совпадало: ни возраст, ни внешность, ни социальный статус жертв. Этот урод казался исключительно чистоплотным, даже брезгливым. Никогда не разбрасывал вещи, заставлял жертв аккуратно складывать одежду. Всегда надевал перчатки, но вот презервативом не пользовался. Одна из его жертв, восьмидесятилетняя бабуля, редко мылась. Так он не побрезговал. Если бы не одни и те же биологические следы, хрен бы мы догадались, что это дело рук одного убийцы. Пришлось ломать все стереотипы. Пятьдесят шесть жертв и с десятков живых. Попотели мы тогда, прежде чем все ниточки воедино собрали, – покачал Борис головой и затаился. – Ну представь себе, пятидесятилетняя женщина, изнасилованная в извращенной форме. Станет она с молодым следователем разговаривать? Конечно, нет! Тогда мы запустили программу «Тетки». Нашли пострадавших, которые выжили, а в полицию по понятным причинам заявлять не стали. Так вот именно они дали нашим девчонкам-психологам недостающую информацию о преступнике.

– Вы же сейчас о «Лесном демоне» говорите? – с удивлением переспросил Андрей. – Не знал, что вы этим делом занимались.

– Вот поэтому, Юдин, я и не доверяю всем этим заморским теориям психоанализа. Ну не подходят наши преступники под их шаблоны. После этого дела несколько научных работ было написано. Методику психологического портретирования усовершенствовали. Убедились в несостоятельности нескольких теорий. В частности, опровергли господствующую за бугром точку зрения, согласно которой маньяк – почти всегда психопат. Наши, они социопаты. Версия о том, что у всех в детстве была психологическая травма, тоже не подтвердилась. Так что как там: «Что русскому хорошо...» Поставь-ка чайник, что-то кофейку захотелось.

Глава 9

– Добрый день, господа сыщики? – в кабинет вошла Надежда Федоровна, миниатюрная брюнетка с короткой стрижкой и очень живыми карими глазами.

Борис поднялся ей навстречу и, взглядом согнав Юдина со стула, придвинул его к своему столу.

– Ну как, Андрюш, не обижает он тебя? – спросила она, с притворной строгостью взглянув на Бориса. Получив смущенный взгляд парня, улыбнулась. – Ну, хорошо-хорошо, сначала о деле. Что я могу тебе сказать, – она серьезно посмотрела на Бориса. – Ты оказался прав насчет девочки. Сначала она совсем не шла на контакт. Но потом... В подробности она не вдавалась, настаивать я не стала. Но то, что ваш психолог напал на нее – факт. Я не думаю, что был контакт, но и того, что он напугал ее, будет достаточно, чтобы открыть дело и получить ордер на обыск. Ты же этого добиваешься?

После того как Борис кивнул, она продолжила:

– Но! Это еще не всё. Разговорить мне ее более или менее удалось. И я уверена, если с ней поработать подольше, она раскроется. Но в данный момент она напугана, и, как я подозреваю, не столько произошедшим, сколько возможной реакцией родителей. Она грозитя наглотаться таблеток, если мы расскажем им. И, судя по ее психологическому состоянию, она это сделает. С девочкой однозначно нужно работать, но вот как это сделать, не привлекая лишнего внимания, пока не знаю. Подумай. Я уверена, ты найдешь выход. Но на Ксюшу я бы давить не стала. Слышишь? Борис? – она замолчала, глядя на Бисаева. – Думаю, если ты еще раз поговоришь с директором школы, он не станет возражать. Только сделай это деликатно. Не хватало еще слухов.

Она протянула к Борису руку, когда тот вытащил из кармана пачку сигарет, и взяла одну. Борис любезно дал ей прикурить, и оба, откинувшись на спинки стульев, с удовольствием затянулись.

– Львович перестал ворчать? – показывая взглядом на сигарету у нее в руке, поинтересовался Борис.

– У нас перемирие. Курю, когда он не видит. Крепкие, – поморщилась она. Еще раз затянулась и, не докурив, затушила ее в пепельнице. – Отвыкла. Знаешь, когда он перестал мне запрещать, курить как-то само собой перехотелось. Балуюсь, конечно, но это уже не то. Ушел азарт, – усмехнулась она.

– Ну а теперь ты, – обратилась она к стоящему у окна Андрею. – Не пожалел, что не выбрал психологию? Как твоя кандидатская? Пишешь или забросил?

Борис слушал их вполуха. Он уже обдумывал свой разговор с директором школы, в которой учится Ксюша. Милейший человек. Проблем с ним возникнуть не должно. Тем более он жаловался, что в школе нет сейчас штатного психолога, так что всё складывается как нельзя кстати.

В кабинете Петра Семеновича, директора школы, в которой училась Ксения Калашникова, Борис появился с самого утра. Несмотря на уверенность, что добрейшей души человек не станет препятствовать его планам, директор вдруг замялся, засомневался, заерзал на стуле.

– Ну послушайте, – мягко настаивал он, – я даже не представляю, как всё это устроить. Вы просите меня нарушить закон, родной вы мой человек. Я всё понимаю, но и вы меня поймите, она несовершеннолетняя, и я не имею права давать согласие на то, чтобы ее подвергли допросам без разрешения родителей.

– Хорошо, – угрюмо ответил Борис. – Что вы предлагаете?

Директор встал из-за стола, развел маленькими пухлыми ручками и отошел к окну.

Борис смотрел ему в спину и всё больше раздражался. Ну, конечно, он прав. Давить на ребенка они не имеют никакого права. Но никакие доводы разума не могли его заставить отказаться от своей идеи. Это была единственная ниточка к Ане, и Борис поднажал.

– Надежда Федоровна говорила, что у вас вакантна должность штатного психолога.

Директор заинтересованно повернулся.

– Вы предлагаете мне взять в штат доктора психологических наук и всяческих государственных наград?

– А в чем, собственно, проблема?

– Ну, у нее ведь будут обязанности, – осторожно пояснил Петр Семенович. – Я не могу взять в штат психолога только из-за одного ребенка.

Борис смотрел на него в упор, отчего директор стусевался и, опустив глаза, вернулся за свой стол.

– Кривцова – действительно отличный специалист. Она проведет все необходимые тесты. Тем самым снимет с вас часть проблем. Что скажете? Так мы с вами договорились? – с нажимом добавил Борис, видя замешательство директора.

Маленькая пухлая ручка вытерла со лба пот, а бегающий взгляд вдруг остановился на лице Бориса.

– Вы можете гарантировать мне, что с девочкой ничего не случится? И что разъяренные родители не появятся у меня на пороге с требованием объяснить происходящее?

– Петр Семенович, – голос Бориса на этот раз звучал в самой мягкой своей вариации, обволакивая воспаленное неминуемым разоблачением сознание директора.

– Ну хорошо, – ответил он твердо, – под вашу ответственность.

Ответственность Бориса не пугала. Шанс придавить гада затмевал все возможные последствия этого решения. Он вышел из кабинета директора, на ходу набирая номер Нади.

Борис вернулся в управление и попытался заняться скопившимися у него делами, однако охотничий запал не давал ему сосредоточиться. И уже в четыре часа он сел в машину и поехал в сторону школы, где работал Блохин. Дорога не должна занять у него больше двадцати минут, так что он как раз успевает к концу рабочего дня. С расписанием Ильи Витальевича Борис предусмотрительно ознакомился заранее и сейчас не спешил. Он припарковался недалеко от школьных ворот, открыл окно и, облокотившись на локоть, начал наблюдать.

Из школы был еще один выход – на школьный двор. Но сейчас он был закрыт на ремонт, поэтому Борис не волновался. В последнее время он чувствовал подъем. Почти не пил, работал допоздна, чтобы побороть иногда накатывающее на него чувство подавленности. Губы его безмолвно шевелились, подпевая Эми Уайнхаус, голос которой тихо доносился из радио: «Black, black, black...». Руки барабанили в такт музыке по рулю.

Наконец вместе с небольшой кучкой школьников появилась знакомая худощавая фигура в костюме-тройке. Весь его вид резонировал с яркими кичливыми одеждами учеников и одетых с простецким размахом учителей. Казалось, человек сейчас выйдет из калитки и не спеша сядет в припаркованный у обочины черный лимузин. Но Блохин не сел ни в какой лимузин, а так же размеренно пошел вдоль школьного забора в противоположную от Бисаева сторону.

Борис переключил передачу, и машина медленно покатила по дороге вслед за Блохиным. Тот перешел улицу и сел в автобус, как подозревал Борис, он направлялся домой.

Машина следовала за автобусом, как привязанная, и к разочарованию Бориса Блохин действительно приехал домой. Как Бисаев надеялся, что случится чудо и тот даст в руки следствию какую-нибудь зацепку. Но, похоже, нашего психолога сам черт берег. Видимо, заботился о сохранности его грешной душонки. Борис криво усмехнулся, проводив его взглядом до подъезда. Сам припарковался неподалеку и, выйдя из машины, прикурил.

Он присел на капот и, шуря от дыма правый глаз, размышлял. Да, не получилось с налета прижать гада. Его внимание привлекла фигура за деревом. Человек явно наблюдал за подъездом Блохина.

Борис точным броском отправил окурок в урну, перешагнул через низкий заборчик, отделявший детскую площадку от парковки, и направился в сторону наблюдателя с тыла.

– Черт, – подпрыгнул Андрей от неожиданности.

– Ну зачем так официально? – съязвил Борис и, сплюнув себе под ноги, с вьедливым любопытством посмотрел на стажера. – Ну и что ты здесь делаешь?

– Ну, я... Подумал...

– Подумал – это хорошо, – доставая жвачку, проговорил Борис. – Здесь что делаешь?

– Хотел проследить за психологом. Думал, может, замечу что-то подозрительное, – замялся Андрей.

– Как он трупы из дома выносит, что ли?

– Ну...

– Ладно. Всё с тобой ясно.

– Но вы тоже здесь, товарищ майор, – с нажимом добавил он и с мстительным злорадством уставился на Бисаева.

– Я, студент, от школы его вел. Надеялся, что он в свое тайное логово пойдет. Облом. Ладно, раз уж мы с тобой торчим здесь, как три тополя на Плющихе, давай дадим нашему злодею шанс на ошибку. Осмотримся, – пояснил он Андрею.

И действительно, не прошло и двадцати минут, как Блохин, переодевшись в джинсы и серую ветровку, вышел из подъезда с большой спортивной сумкой в руках и направился в сторону автобусной остановки. Сыщики прыгнули в машину и двинулись следом, предвкушая удачную погоню.

Однако стоило им припарковаться у железнодорожной станции Кузьминки, как Блохин растворился в толпе. Бросив машину прямо на проезжей части, взбешенный Борис и взволнованный Андрей вклинились в толпу и, раздвигая людей локтями, начали быстро продвигаться в сторону перрона. У железнодорожных касс они разделились, и каждый бросился в свою сторону. Их суеящиеся фигуры то и дело появлялись в монотонно двигающейся серой массе, чтобы снова исчезнуть и появиться уже совсем в другом месте. Время от времени они находили друг друга взглядом, показывая, что результат нулевой. Зычный женский голос пронесся над головами пассажиров, объявляя о прибытии электрички Москва – Ново-Сафронovo. К одному из перронов, гремя вагонами, подъехал состав. Шипя распахнулись двери. Борис дал знак Андрею, который находился ближе к перрону, чтобы он двигался туда. Сам, преодолевая сопротивление толпы, рванул следом. Он чуть не сбил Юдина с ног на верхней площадке лестницы, двумя пролетами уходящей вниз к наводненной людьми, тонущей в запахе креозота платформе.

– Ну? – переводя дыхание, спросил Борис.

– Не вижу его, – продолжая обшаривать взглядом толпу, нервно бросил Андрей.

Поезд вздрогнул вагонами под гнусавое «двери закрываются».

– Вон, – Юдин выпрямился, показывая пальцем на один из вагонов в середине состава. – Вон, – еще раз крикнул он и бросился вниз по лестнице под шумный горячий выдох поезда. Двери резко сомкнулись, электричка дернулась, натянувшись в сцепке, покатались вагоны.

Борис медленно сошел со ступеней. Андрей, уперев руки в колени, с досадой наблюдал за удаляющимся составом.

– Ну как же так, Борис Сергеевич?

– Ладно, Шерлок. Теперь мы знаем, что домик у него имеется, – глядя в хвост удаляющемуся поезду, сказал Бисаев.

А потом вдруг приободрился и с задором хлопнул Андрея по плечу.

– Выпить хочешь, сыщик?

– Хо-очу, – несмело протянул Андрей, ожидая, что Борис рассмеется ему в лицо. Однако Бисаев остался серьезным и, махнув ему рукой, направился к своему верному чероки, который собрал за собой уже довольно большую пробку. Борис уверенным жестом остановил общий гвалт, и пока раздосадованные водители соображали, что происходит, быстро уехал.

По заполняющимся машинами улицам они добрались до места. Небольшое заведение на первом этаже жилой девятиэтажки радушно встречало гостей светящейся вывеской «Хромая кобыла», с дергающейся и всё время гаснущей «Х». Внутри было душно и довольнолюдно. Громко играла музыка. Борис с уверенностью частого гостя прошел через заставленный круглыми столиками зал к бару. поприветствовал бармена и уселся в конце стойки, подальше от гремящих колонок.

Андрей был в подобном заведении в первый раз и поэтому старался не отставать от патрона, вертя головой из стороны в сторону, разглядывая посетителей и довольно смелый интерьер. Он поймал себя на мысли, что ему нравится и эта музыка, и слишком громкие голоса посетителей, и то панибратство, с которым клиенты обращаются к веселому услужливому бармену. Он почувствовал себя крутым ковбоем из старых фильмов с Клинтом Иствудом, которые любил смотреть в детстве.

– Ну как тебе? – громко спросил Бисаев, разглядывая довольного Андрея.

– По-моему, здорово!

– Э, брат, ты еще не видел, какие тут драки закатывают, – усмехнулся Борис. – Расслабься, – и уверенным жестом завсегдадая заведения привлек внимание бармена.

Тот немедля подошел и замысловатым движением руки поздоровался с Борисом.

– Кирыч, познакомься, мой напарник – Андрей.

От неожиданности Андрей так резко выставил руку для приветствия, что сбил со стойки вазочку с орешками.

– Просите, – стусевался он и засуетился, собирая разбежавшийся арахис.

– Кирыч, сделай-ка нам твой фирменный коктейль, тот, что «опа-опа-опа». Нам есть что праздновать.

Борис говорил совершенно спокойно, однако Андрей чувствовал в его голосе улыбку, она краской растекалась по щекам. Наконец он стряхнул со стойки последние крошки соли и поднял глаза на Бориса. Тот внимательно на него смотрел. Его взгляд всегда смущал Андрея. Такой прямой, даже наглый. Он штопором ввинчивался в мозг, вызывая зудящее во всем теле неудобство. Неловкость могла перерасти для Андрея в новую волну паники, но, к счастью, к ним со стаканами в руках подошел бармен.

– Ваши коктейли.

Он поставил на стойку два широких стакана, наполненных красно-коричневой жидкостью, щедро приправленной кубиками льда и украшенной долькой лимона.

– За наш маленький, но всё же успех, – отсалютовал Борис, поднимая свой.

– За успех, – поддержал его Андрей и тоже приложился к стакану. Он хотел сделать небольшой глоток, но видя, что шеф разом влил в себя всё, решил последовать его примеру и, не отрываясь, начал небольшими глотками пить обжигающую горло жидкость. Дыхания у него не хватило, и, хватая воздух ртом, он отставил его на стойку.

– Крепкий, – виновато улыбнулся Андрей. – Что это?

– Это Сазерак. Напиток для настоящих мужчин.

– Да, – просиял Андрей, – я о нем читал. Его придумали джазовые музыканты в Лос-Анджелесе. В основе коньяк и абсент.

– Все-то ты знаешь, студент. Повторим? Или ты будешь что-то другое? Полегче?

– Нет, – поспешил ответить Андрей. – Я буду то же, что и вы.

Три коктейля спустя Андрей забыл о волнении. Расслабившись, оперся на барную стойку, слушая Бисаева. Тот перестал восприниматься как раздражитель, заставляющий держаться всё время чуть настороже. Андрей настолько расслабился, что позволял себе даже перебивать патрона или высказывать собственное, порой диаметрально противоположное, мнение.

– Любовь. Любовь, она сложная штука, студент. Это для молодых она – вспышка, озарение. А ты попробуй любить, когда погашены огни, – продолжал Борис.

Он говорил уверенно, иной раз даже насмешливо, но едва заметная, щемящая сердце грусть порой проскальзывала в его взгляде и голосе.

– Я женился на однокурснице. Вернее, она была на курс младше, да неважно. Мы так хорошо знали друг друга, что не оставалось места загадке. Всё время соревновались, как и положено сверстникам. Никто не хотел уступать. А потом родилась Аня, и начались обиды. А еще быт. Минное поле, которое без потерь преодолевают далеко не все любви. Ты вечно не так сидишь, покупаешь не тот сыр. Смешно. А, к черту, – махнул он рукой. – Не слушай меня.

– Вы не можете ее простить? – осторожно спросил Андрей.

– Простить? Нет. Я ненавижу ее.

– За что?

– За то, что она умерла.

– А я решил вообще не жениться, – уверенно заявил Андрей, чуть помолчав. – Отчитываться перед посторонним человеком. Нет уж, увольте. Мне отца хватает.

– Так-то оно, конечно, так, но, с другой стороны, одному сложно. Некого обвинять в своих неудачах. Так что подумай об этом, студент. Кстати, а что за научная работа, которую ты пишешь? – с неожиданным интересом спросил Борис.

– Оперантное обусловливание, – уже с трудом выговаривая слова, ответил Андрей. – Влияние социальной среды на формирование индивида. В частности, на формирование инстинкта убийцы. Вы наверняка слышали об опытах профессора Павлова? Только Павлов предполагал, что поведение индивида состоит из рефлексов, важную роль в формировании которых играет наследственность. Я же изучаю влияние среды, которая создает условия для поведения.

– То есть ты пытаешься доказать, что инстинкт убийцы можно в человеке воспитать?

– Не просто воспитать, сделать доминирующим. Это даст ключ к анализу многих преступлений.

– По-моему, я где-то это уже слышал. Но всё равно звучит ужасно, – поморщился Борис. – Я уверен, это из-за обилия бездушных научных терминов. Давай выпьем за то, чтобы ученые, наконец, изобрели таблетку от жестокости.

Он поднял свой стакан и разом опрокинул в рот. Его примеру последовал и Андрей, однако поперхнулся и не смог допить до конца.

– Я ведь совсем не пью, – еле ворочая языком, сказал он.

Навалился на стойку и закрыл глаза. В голове громко щебетали сумасшедшие синицы. Тело его поднималось куда-то вверх, в невесомость. Но стоило Андрею открыть глаза, как он едва не свалился со стула, не в силах удержать снова потяжелевшее тело.

– Так, студент, закругляемся, – усмехнулся Борис, доставая лопатник. – А то папка твой мне башку открутит.

Глава 10

Андрей плохо помнил, как добрался вчера до дома. К тому моменту, когда он проснулся, отца уже не было. Мать то и дело заходила в его комнату, но, кроме пожелания доброго утра, не произнесла ни слова. Открывая портьеры или забирая со стола пустые чашки, она мельком бросала на него строгие, осуждающие взгляды, не позволяя ни на минуту забыть о вчерашнем проступке. Похоже, вечером ему предстоит разговор с отцом.

Оккупировав ванную, он долго стоял под душем, стараясь унять дрожь в мышцах, а потом принял три таблетки аспирина и, не позавтракав, пошел на работу.

Двери слишком громко хлопали, коллеги чересчур назойливо проявляли дружелюбие. Андрей старался побыстрее добраться до кабинета. Надеялся, что шеф тоже с утра не форме и у него есть полчаса-час, чтобы прийти в себя. Сегодня он в первый раз в жизни опоздал. Так что, кроме головной боли, пушечным ядром перекатывающейся в мозгу при каждом движении, он страдал еще и от мук совести.

– Здравó, Штирлиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.